

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

БУГОР

Владимир Григорьевич Колычев

Бугор

**Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»**

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3949705

Колычев В. Г. Бугор: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-58169-6

Аннотация

Демьяну Уварову удалось выгнать из борделя Ларису Ильину. И до того понравилась молодому человеку девушка, что он привез ее в родное село и женился на ней. Все складывалось удачно в жизни Уваровых: Демьян поднял хозяйство, в семье появились дети. Но люди из прошлого не оставляют в покое Ларису. Бандиты вторгаются в жизнь супругов. Уваров дает им решительный отпор, не замечая, что теряет самое дорогое, что есть у него в жизни...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	51
Глава 6	64
Глава 7	75
Глава 8	89
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Владимир Колычев

Бугор

Часть первая

Глава 1

Вечер, небо темное, но на нем еще видны облака, в смутных очертаниях которых чудятся то замки, то драконы. Холодные ветры обдувают это причудливое нагромождение сгустившихся в атмосфере водных паров, срывая с них колочие снежинки, бросая их в холодный свет фонарей и на горячие огоньки тлеющих сигарет.

Февраль на дворе, мороз, но в его ледяном дыхании уже смутно угадывается робкое весеннее тепло. Зима еще долго будет злиться, но ведь когда-нибудь она закончится. Весна принесет тепло, лето – жару, которая сейчас, в мороз, кажется чудом, но если для кого-то эти перемены станут всего лишь приятным чередованием времен года, то для Демьяна – концом черной полосы в его жизни...

Как ушел он из дома в далеком восемьдесят четвертом году, так до сих пор и мается по жизни как неприкаянный. Афган, война, кровь... Он мог бы вернуться домой через два го-

да, но нет, дернул его черт остаться на сверхсрочную. Старшиной мотострелковой роты был, людей за собой водил в бой. Их часть уже собирались выводить в Союз, когда у него произошло столкновение с новым командиром роты. Этот недоумок, чтобы выслужиться, отправил группу по неизвестному маршруту, без разведки, без должного сопровождения с воздуха, и как итог – восемнадцать трупов. Нет, убивать ротного Демьян не собирался, он просто не рассчитал силы. Удар у него чересчур мощный, а злость на командира вывела его из себя. В общем, не выдержал ротный бокового справа, скончался по дороге в госпиталь. А Демьян получил шесть лет колонии. Но ничего, летом прозвонит звонок, и он наконец-то отправится в родное село. А пока что нужно набраться терпения и досидеть свой срок. Шесть отмеренных лет уже на исходе, скоро домой...

Демьян бросил окурок в урну, отряхнул ватник от мелких снежинок и прошел в двери лагерного общежития. И остальные заключенные потянулись за ним, хотя никто не загонял их в барак со двора локалки.

Рабочий день закончился, народ поужинал, личное время сейчас, потом появится замполит, прочтет мораль на сон грядущий. Демьян против такой лекции не возражает, лишь бы только она в тепле была да дремать разрешалось. Замполит у них не дурак, он понимает, что люди чертовски устали после промки, поэтому орать ни на кого не будет. И Демьяна на спящих натравливать не станет, бесполезно это.

Личное время, воспитательная работа, подготовка ко сну – все эти мероприятия пролетят очень быстро, а потом будет отбой, и закончатся еще одни сутки той долгой череды дней, которые отделяют его от свободы. Но очередной крестик в календарике можно поставить уже сейчас.

Демьян прошел к своей шконке, что стояла в дальнем углу. Место у него почетное, но справа от прохода. Слева – блатной угол, там обитает смотрящий всей зоны. Только это место, как правило, пусто, потому что Лешему больше по нраву больничка, где у него все схвачено и промазано медом. По идее, кроме Лешего, из блатных здесь должен был находиться еще и смотрящий по бараку, но нет во втором отряде такового. Во всех отрядах есть, а во втором – нет, и все потому, что Леший не хочет делить свою власть над отрядом с кем-то из блатных. Зато при этом вор ничуть не возражал против того, чтобы в его отсутствие за бараком смотрел Демьян. Не возражает, потому что кто-то должен следить за порядком. Не возражает, но Демьяна терпеть не может. И нелюбовь эта обоюдная. Тихая такая, бесконфликтная ненависть. Демьян – плоть от плоти мужик, блатная романтика не для него, потому для Лешего он чужой. И сам он Лешего с его свитой не жаловал, из-за того что эти паразиты жили на теле трудового народа. Люди за них на производстве спины гнут, пока они тут свои воровские законы блюдут. Впрочем, наезжать на Лешего бесполезно: его только могила исправит. Да и самого Демьяна воры под себя не подомнут, потому что

принципы у него и характер, на которых он крепко держится...

Только беспокойно в блатном углу. На шконке Лешего, затылком прижимаясь к нарисованной березке, сидел дюжий кавказец – бровастый, носатый, с крепкой борцовской шеей. Надменное выражение лица, вялая презрительная усмешка на тонких губах. Рядом с ним свита – жулик из пиковой масти, три «быка», один из которых славянской внешности. Робы у всех наглажены, прохоря начищены – как на парад. Так, может, у них какие-то свои торжества намечаются...

Слышал Демьян, что не так давно в зоне появился грузинский вор в законе, но в подробности этого дела не вникал, поскольку оно его не касалось. У блатных своя жизнь, пусть они в своих раскладах сами маринуются. А у него свои проблемы – простых работяг держать в узде, чтобы они план давали. Бугор он, бригадир в распилочном цехе, а в том, что за отрядом и здесь, в жилой зоне, приходится смотреть, его вины нет, лагерный пахан так фишку бросил.

Но если кавказская блатота решила взять барак под себя, так это его мало касается. Пусть Леший с ними разбирается, а для него главное, чтобы пиковые не выеживались, мужиков не обижали. Пусть хоть сам черт здесь правит балом, лишь бы только порядок был.

Демьян уже сворачивал с главного прохода в свою сторону, когда вор снизошел до него – показал на него рукой и небрежно щелкнул пальцами. Дескать, сюда иди. Но Демьян

сделал вид, что ничего не заметил.

Но «бык» из воровской свиты не позволил ему далеко уйти, нагнал, хлопнул по плечу:

– Эй, мужик, тебя зовут!

Демьян остановился, неторопливо развернулся к нему, смерил меланхоличным взглядом. Не слабого десятка джигит, лоб в три наката, нос крупный, широкий, челюсть массивная, тяжелая, живого веса не меньше центнера. Уши приплюснуты, перегородка носа деформирована, шея накачанная – все это выдавало в нем борца. С таким лучше не связываться. Но Демьяну наплевать.

– Эй – это тебя так зовут. Чего тебе надо, Эй?

– Я не понял, мужик, ты чо, наехал?

– Гога, не быкуй! – одернул его жулик. – Давай сюда бугра!

«Бык» изобразил обиду, дескать, как жаль, что его остановили. На самом же деле такая отставка его только радовала. Потому что, вне всякого сомнения, он знал, с кем имеет дело.

– Тебя зовут! – кивком Гога показал на смотрящего.

– Я понял, – угрюмо сказал Демьян.

Но к блатным не пошел. Он не собака, чтобы вилять перед ними хвостом.

– Эй, ты куда? – возмущенно протянул «бык».

Но Демьян и ухом не повел. Он приблизился к своей шконке, сел, спиной прислонившись к стене. Гога уже вернулся к своим, а к Демьяну подсаживались его люди – Ми-

шутка, Пояс, Диван Царевич. Свиты как таковой у него нет, штатных бойцов тоже, но есть люди, на которых он может положиться в тяжелую минуту. Да и все мужики готовы подписаться за него, если вдруг что. Потому он спокоен.

Зато кавказский вор нервничает. Жулика к нему прислал.

– Слышь, бугор, с тобой Арчил поговорить хочет.

Худой он, тощий, если не сказать изможденный. Глаза красные, лицо землистого цвета, губы синевой отливают. Похоже, вор конкретно сидел на игле.

– Пусть подходит, поговорим, – пожал плечами Демьян.

– Он не может.

– Почему?

– Потому что он вор.

– Да? А я не вор. О чем нам говорить?

– Надо поговорить.

– Поговорим. Сейчас я ситуацию пробью, узнаю, что по чем, и предъявлю твоему Арчилу.

– Ты предъявишь? – удивленно и с возмущением протянул жулик.

Но Демьян ни ухом не повел, ни бровью. Он все сказал и разжевывая свои слова не собирался. Блатной это понял и ретировался. А спустя время к Демьяну подошел сам Арчил. Руки в брюки, разболтанная походка от колена, презрительный взгляд.

– Я не понял, мужик, кому ты здесь предъявы собрался клеить?

Демьян неторопливо поднялся, смерил его невозмутимым взглядом:

– Ты кто такой?

– Я теперь здесь вместо Лешего!

– И что?

– Как что? Я теперь здесь мазу держать буду!

– Флаг тебе в руки.

Арчил сдерживал ярость, но глаза метали молнии. Он смотрел на него, испепеляя взглядом, пытаясь таким образом доказать свое превосходство, но серьезное к себе отношение внушить так и не смог. Демьян тонко усмехался, глядя на него.

– Я теперь здесь решаю! – так ничего и не добившись взглядом, сквозь зубы процедил вор.

– Решай.

– Что я скажу, то и будешь делать!

– Ну, говори...

– Толпу соберешь, объявишь, что я теперь здесь за вора, понял?

– После отбоя.

– Нет, сейчас.

– Сейчас нельзя спать, рано еще. После отбоя засну. И толпу во сне соберу, и ты с ней во сне поговоришь...

– Борзеешь?

– Нет, это ты борзеешь... Я тебя знать не знаю, а ты баллоны на меня катишь.

– Я вор, а ты мужик, я говорю, а ты делаешь. Я сказал тебе: к ноге, значит, к ноге! А ты рогом уперся, потому что тупой!

Демьян не стал бить в полную силу. Ударил коротко, без размаха, но Арчил, падая, сбил с ног своего «быка», что стоял за ним. Второй боец бросился на Демьяна, но тяжеленный кулак опрокинул его на поверженного вора. Остальных кавказцев добили мужики. Набросились на них, смяли, а затем и вовсе вышвырнули за порог общежития.

Арчил волком выл, осознавая свою беспомощность. Кричал, насылал на голову Демьяна проклятия и угрозы, но тому хоть бы хны. Он бугор, за ним вся серая масть в зоне, надо будет, мужики из других отрядов подтянутся, чтобы смять оборзевшую блатоту. Он человек мирный, власть как таковая ему не нужна. Ему бы на свободу, а там хоть трава не расти... Но грузин Арчил не прочитал его русскую душу, за что и поплатился.

Как потом выяснилось, пиковый законник сумел подмять под себя большую часть воровской элиты из лагерного круга, навязать свою волю самому Лешему. Потому с таким презрением отнесся к Демьяну, на чем и погорел.

После того как Арчила вышвырнули на мороз как шелудивую собаку, он потерял свой авторитет. Пока грузин приходил в себя, Леший спустил с цепи своих собак, не оставив новоявленному пахану ни единого шанса на реванш. Но Демьяна это не касалось, ему эти воровские разборки до лампочки. Ему главное, чтобы порядок в отряде был, чтобы бри-

гада на производстве план давала, ведь без этого не видать ни хорошей пайки, ни дополнительной отоварки в ларьке. Да, такие вот у него приземленные интересы, но так ведь он и сам – мужик, что называется, от сохи, его какие-то там высшие воровские материи особо не интересуют. Для него чем проще, тем лучше. Если, конечно, ноги в тепле и зубы не на полке...

Глава 2

Норковая шубка хороша в холода, но на дворе лето, и этот мягкий блестящий мех совсем не радует. Только ничего не поделаешь: работа есть работа, и приходится выхаживать в шубе по подиуму.

Русского человека с детства учат, что сани нужно готовить летом, и все равно шубы лучше раскупаются зимой, и это меховое дефиле – мартышкин труд. Но Лариса все равно старается, ведь она модель и за свою работу получает деньги, к тому же среди покупателей может оказаться человек, который предложит ей более серьезное дело, чем показ одежды в отдельно взятом меховом салоне...

В Москву она приехала прошлой осенью с одной-единственной целью – стать фотомodelью. Внешность у нее модельная, во всяком случае, она была в том уверена. Но в модельном агентстве вдруг выяснилось, что для успешной карьеры ей банально не хватает роста, к тому же грудь у нее больше нормы, хотя ее объем и не превышал стандартные «девьяносто». С такой грудью, сказали, в порно хорошо сниматься. И ноги у нее очень длинные, и кривоваты они... В общем, очень много нового узнала тогда о себе Лариса. Но в порноактрисы не пошла. И в проститутки тоже. Зато познакомилась с одним бизнесменом, который даже не заметил всех этих недостатков.

И ничего, нормально все. Алик занимается коммерцией, у него своя двухкомнатная квартира в хорошем районе Москвы, обстановка, машина. Может, он и не так богат, как некоторые, зато Лариса влюблена в него по уши. Никто другой для счастья ей и не нужен, а для иллюзии профессионального успеха вполне хватает подиума в меховом салоне.

Свой номер она отработала в поте лица. Душа здесь нет, но ничего, Лариса помоеется дома.

Она уже надела платье и застегивала ремешки на босоножках, когда появилась хозяйка салона.

– Лариса, ты сегодня молодец!

Сердце замерло в радостном предчувствии. Сейчас Марина Петровна скажет, что на нее обратил внимание директор модельного агентства или очень известный фотограф... Но нет, Марина Петровна положила руку ей на задницу. Как будто невзначай. Но Ларису не проведешь, она знает о наклонностях своей начальницы. И это неудивительно, ведь, если верить Алику, Москва – это русский Содом. Здесь, он говорил, извращения всем возрасты покорны. Не хотелось в это верить, но сама жизнь открывала глаза на правду.

– Спасибо вам, Марина Петровна!

Впрочем, хозяйка салона еще только начинающая лесбиянка, в ней не было той агрессивности, присущей прожженным коблам, о существовании которых Лариса знала по рассказам своего Алика. К счастью, ей самой с такими бестиями встречаться не приходилось.

– Я побежала!

– Может, тебя подвезти, детка? – с досадой в голосе спросила Марина Петровна.

– Нет, спасибо! Я на метро!

Не получалось у нее снять Ларису, а использовать свое положение начальницы она не могла. Какая еще дура согласится париться у нее на подиуме за жалкие десять долларов в день? Можно, конечно, нанять какую-нибудь страхолюдину, но ведь это никому не нужно. А Лариса – девушка красивая, ну, может, бюст и ноги не совсем соответствуют стандартам, зато мужчины считают ее очень сексуальной. И некоторые женщины тоже...

Может, и много в Москве извращенцев, но никто из них не смог пока зажать Ларису в угол. И от Марины Петровны она ушла, как тот колобок от волка...

Метро нравилось ей только первое время. Захватывающий гул электричек, скорость, с которой несешься к свету в конце тоннеля – все это завораживало, но постепенно вся острота ощущений сошла на нет. И уже не за горами тот день, когда эта подземная суета начнет злить или даже бесить. Но ничего, дела у Алика идут хорошо, и скоро он купит Ларисе новенькую «восьмерку», тогда поездки в общественном транспорте останутся в прошлом...

Может, и не очень приятно ездить в метро, но там хоть прохладно, и тополиный пух не лезет в нос. А на улице жара, духота, горячие испарения от раскаленного асфальта, тя-

желый дух выхлопных газов. Но все-таки Лариса не старая немощная бабка, чтобы страдать, ахать и смаковать свои мучения. Она молодая, энергичная, и в босоножках на шпильке передвигается с той же ловкостью, что и в кроссовках. Она легко преодолела расстояние от станции метро до своего дома на Звенигородском шоссе, поднялась на этаж. Квартира находится на северной стороне, и потому здесь нежарко.

Сейчас Лариса пройдет в спальню, снимет с себя платье и бросит его на роскошную кровать с резной спинкой, примет душ, потом в банном халате сядет в кожаное кресло в гостиной, отдохнет немного и отправится на кухню, тоже с дорогой мебелью, приготовит чашечку кофе, а потом начнет стряпать ужин. Алик возвращается домой усталый, его нужно накормить и приласкать.

Но Алик уже был дома, и не один. Какие-то мужики в комбинезонах выносили холодильник из кухни. Ларисе пришлось посторониться, чтобы ее не толкнули. Она прошла в гостиную, а там гулкая пустота и голые стены. Да и в прихожей она не заметила никакой мебели.

В комнату вслед за ней зашел Алик. Симпатичный он мужчина – четкие и правильные черты лица, светлые глаза на фоне темных волос, добрая, но при этом чуточку снисходительная ирония во взгляде. Ему слегка за тридцать, но фигура как у юноши – стройный, подтянутый, ни грамма лишнего веса. И одет он всегда стильно. Прическа с эффектом мокрых волос, до синевы выбритый подбородок, маникюр

без лака... Обычно Алик излучал уверенность знающего себе цену человека, но сейчас он смотрел на Ларису с растерянной и виноватой улыбкой.

– Ну и что здесь происходит?

Может, он квартиру новую купил, четырех– или даже пятикомнатную, в пределах Садового кольца?.. Или он только собирается это сделать, поэтому и продает свое жилище, а мебель вывозит, чтобы не отдавать новому хозяину... Лариса готова была рассмотреть любой позитивный вариант, но мысли почему-то настраивались на негатив.

– Я продаю квартиру, – с сожалением развел он руками.

– Зачем?

– Чтобы отдать долги, – сокрушенно вздохнул Алик.

– Какие долги?

– С бизнесом проблемы... Понимаешь, я занял большие деньги, а сделка прогорела, теперь мне нужно отдать долг.

– А мебель?

– Ну, новому хозяину наша мебель не нужна. Я ее другому человеку загнал.

– Кому другому?

– Да неважно...

– Действительно неважно, – расстроено сказала Лариса.

– Понимаешь, все очень серьезно. Бизнес – штука жесткая, кто не успел, тот попал...

– И ты, я так понимаю, попал.

– Да, причем конкретно... Бизнес отобрали, квартиру, ма-

шину... Один бизнес потерял, другой нашел, – совсем не весело усмехнулся Алик. – Вот, недвижимостью торговать начал, мебелью. И уже все продал. Вроде бы неплохо получилось, только никакой выгоды...

– Хочешь сказать, что у тебя вообще никакого бизнеса не осталось? – потрясенно спросила Лариса.

– Уже сказал... Ничего у меня не осталось. Ничего!

– А я?

– А зачем я тебе нищий нужен?

– А ничего, что я тебя люблю?

Обанкротился Алик – это, конечно, катастрофа, но все-таки не конец света. Он еще молод, у него есть знания и опыт, он обязательно вернет свои позиции. А она будет помогать ему морально.

– И что, не бросишь меня? – с благодарностью смотрел на подругу Алик.

В этот момент она верила, что не бросит его под страхом расстрела.

– Ты дурак?

– Нет... Просто ты любишь красивую жизнь.

– Да, и не буду возражать, если ты снова разбогатеешь. А пока мы будем жить... – Лариса замялась, не зная, что сказать. Откуда ей знать, где они будут жить? – Будем жить... Главное, что мы будем жить вместе.

– Да, это главное... Только где жить, я не знаю... Можно в Киров уехать, к моей маме...

– Или к моей, в Пензу... Только что мы там будем делать?

Ларису пугала нищета, но еще больше она боялась остаться без Москвы. Она привыкла к этому большому шумному городу. Да и что скажут родные, если она вернется домой с нищим сожителем?.. Если бы Алик хотя бы мужем был...

– Не знаю. Все деньги в Москве крутятся, – кивнул Алик. – Только здесь подняться можно. Однажды это у меня уже получилось. И еще раз получится...

Приободрившись, Лариса улыбнулась. Именно такой мужчина ей и нужен – сильный, несломленный. За таким она и в Сибирь пойдет...

В прихожей послышались чьи-то тяжелые шаги. Наверное, грузчики вернулись. Может, не все еще из кухни вынесли.

Но в комнату зашли парни с наглыми физиономиями. Атлетического сложения, агрессивные, оба в пиджаках поверх футболок и модных зеленых джинсах. Золотые цепи в распахнутых воротах видны, часы дорогие на руках, костяшки пальцев сбиты от частых ударов. Угрожающее впечатление произвели эти ребята, потому Алик и вжал голову в плечи.

– Ну что, мужик, деньги собрал? – грубо спросил парень с большими глазами под широкой линией смоляных бровей.

– Да нет пока... Но я уже с покупателем договорился, – заелозил перед ним Алик. – Завтра деньги получу, и за квартиру, и за мебель.

– Сколько?

– Двадцать две тысячи...

– А ты нам сорок штук торчишь, – нехорошо посмотрел на него бровастый.

Совсем еще молодой человек, юношеские прыщики на лице. И злость его неискренняя какая-то, показная. Возможно, в обращении с родными и просто знакомыми он вел себя вежливо, обходительно, да и на улице среди людей не выделялся. Но сейчас он как бы при исполнении, а должность у него, как говорится, реальная и конкретная. Бандит он. Потому и пытается казаться хозяином жизни. Потому и голос его звучит так зычно и густо. И хищный оскал на губах. Может, он еще и незаконченный негодяй, но взывать к его совести бесполезно. Он ведь и ударить сейчас мог, и убить...

– Ничего, я что-нибудь придумаю.

– Восемнадцать тысяч с тебя.

– Я же говорю, я обязательно что-нибудь придумаю.

– Когда ты придумаешь, эти восемнадцать штук в двадцать превратятся. А потом в двадцать пять. И в тридцать.

– Да я понимаю... Я продам что-нибудь...

– А что у тебя еще осталось? – ехидно спросил второй бандит, более взрослый, матерый.

– Ничего. Только я сам и остался.

– А на кой ты нам нужен? Воду на тебе возить, что ли? Так для этого у нас тачка есть... А это у тебя кто? – Бровастый пронзительно посмотрел на Ларису.

– Это?.. Это невеста моя... – затравленно проговорил

Алик.

И Лариса внутренне сжалась в предчувствии большой беды.

– Мы ее забираем, – как о чем-то вполне законном и само собой разумеющемся сказал бандит.

– Как это вы ее забираете? – оторопело проговорил Алик.

Лариса тоже хотела выразить свое возмущение вслух, но слова вдруг застряли в пересохшем горле.

– Ну, я не знаю, это тебе решать, как. Можешь нам в рабство ее продать. Навсегда. Тогда ты нам ничего не должен. Можешь в залог ее оставить. Тогда через две недели занесешь нам восемнадцать штук, заберешь свою девку, и все, никаких проблем...

– Через неделю!

– Что через неделю? – не понял бровастый.

– Через неделю деньги занесу, – Алик смотрел не на него, а на Ларису.

Он ей обещал выкупить залог. Как будто она уже согласилась отправиться в качестве залога к бандитам.

– Ну, хорошо, пусть будет через неделю, – кивнул бандит.

– Никуда я не поеду! – срывающимся на истерику голосом заявила она.

Какое-то время Алик смотрел на нее тупо, неменяемо, но вот его отпустило, и он облегченно вздохнул. Ну да, если она не согласна, то никто не может ее у него забрать. Значит, все хорошо.

– Не поедет? – глядя на него, угрюмо спросил бровастый.

– Не поедет, – сожалеюще развел руками Алик.

– Тогда бабки на бочку. Прямо сейчас.

– Нет у меня ничего.

– Тогда придется тебя кончить.

Лариса поняла, почему бандиты в пиджаках, хотя на улице жара. Под ними они прятали оружие. Бровастый вытащил из-за пояса пистолет, клацнул затвором и направил ствол на Алика.

– Не надо! Я отдам деньги! Все до цента! С процентами! – запаниковал тот.

– Я уже устал слышать это, – покачал головой бандит.

Спусковой крючок под его пальцем пришел в движение. Еще мгновение, и грянет выстрел. Лариса не могла, не имела права этого допустить.

– Не надо! – взвизгнула она.

Бандит опустил пистолет и с интересом посмотрел на нее.

– Не надо его убивать!.. Я согласна... Я поеду с вами.

Она должна спасти Алика. Она должна пожертвовать собой ради него. Ведь она его любит.

– Ларис, не надо! – Алик умоляюще смотрел на девушку.

Но уже ничего не изменишь: она приняла решение и поэтому едет с бандитами. Если откажется, Алика просто-напросто убьют.

Да и уже не откажешься. Бровастый взял ее под руку и вывел из квартиры.

– Лариса, завтра я тебя заберу! – уже на лестничной площадке услышала она голос Алика.

Ну да, он обязательно что-нибудь придумает. Одну часть денег получит за квартиру и мебель, другую – займет у кого-нибудь. Уже завтра Лариса будет на свободе...

Девушка понимала всю абсурдность ситуации. Двадцатый век, считай, заканчивается, Россия – цивилизованное государство, и рабство здесь недопустимо с точки зрения закона и этики, но бандиты спокойно увозили ее в своей машине как живой товар. Никто не пытался им помешать. И она сама не сопротивлялась.

Ее привезли в какую-то квартиру с убогой обстановкой, заперли в комнате с декоративными решетками на окнах. Отсюда не убежишь. Можно только разбить окно и позвать на помощь. Но бровастый предупредил, что ей не жить, если она вдруг начнет орать.

За окнами уже стемнело, когда открылась дверь и в комнату зашел рослый парень с уродливой внешностью. Узкий покатый лоб, мощные надбровья, крепкий вытянутый нос, широченная челюсть. Может, где-нибудь в племени неандертальцев он считался бы первым красавцем, но на фоне обычных людей казался убожеством. И лицом он был похож на первобытного человека, и руки у него длинные, как у гориллы. Уж не снежного ли человека к ней подселили?

– Раздевайся! – с порога потребовало это чудовище.

– Что? – Лариса испуганно скрестила руки на груди, со-

здавая этим дополнительную защиту. Хотя и понимала, что совершенно бессильна перед этим монстром.

– Я сказал, раздевайся.

Неандерталец гипнотизирующе смотрел на нее и расстегивал кожаный ремень на своих джинсах.

– Мы так не договаривались! – мотнула головой Лариса. – Я в залоге! Меня завтра выкупят! Меня нельзя трогать!.. Вот если не выкупят...

Она допускала мысль, что Алик не в состоянии будет расплатиться, но ведь сроки еще не вышли.

– В залоге, – кивнул парень. – За восемнадцать штук. Без всяких процентов. А почему без процентов?

– Почему? – жалко пробормотала она.

– Потому что процент отработает ты.

Неандерталец и говорить умел, и логика в его рассуждениях присутствовала. Но Ларису это не удивляло. В страхе перед происходящим она не могла думать о таких мелочах, как интеллект этого выродка.

– Я не хочу!

Парень уже снял джинсы, стянул футболку. Волосатый с ног до головы, такой же сутулый и кривоногий, как человекообразная обезьяна. Еще осталось в грудь себя ударить, как это делал Кинг-Конг... Но этот человекоподобный нелюдь ударил Ларису.

От хлесткой пощечины закружилась голова и пропала уверенность в своей стойкости. А насильник ударил снова,

на этот раз кулаком, и Лариса упала на пол. Он сгреб ее в охапку, швырнул на кровать и подмял под себя. Шансов отбиться у нее не было, но и расслабляться она не станет...

Глава 3

Москва, вокзал, шум, толчея. Движение вроде бы упорядоченное – одним надо уезжать, другие сходят с поезда, но все равно хаос вокруг. И в этом есть своя прелесть. Людей на перроне много, но никому нет до Демьяна дела. Это не зона, где все-друг друга знают и кто-то от кого-то в какой-то степени зависит. Здесь он предоставлен самому себе, и никто за ним не надзирает. А патрульные менты его не пугают. Да, он только что из мест не столь отдаленных, и вместо паспорта у него в кармане лежит справка об освобождении. Но все-таки он свободный человек и еще ничего противозаконного совершить не успел. Да и совершать не собирается. Поэтому мимо патрульных он прошел с высоко поднятой головой. И глаза прятать не стал, когда пожилой старлей проводил его пытливым взглядом. Зашевелился офицер, учуял в нем чужака, но все-таки не остановил. То ли связываться не захотел, то ли его ментовская интуиция подала слишком слабый сигнал. Демьян спокойно вышел к автостоянке, где шустрые таксисты трясли ключами от своих машин.

– Тебе куда, браток? – спросил рыжеусый мужичок со взглядом прохиндея.

– На Казанский.

С этого вокзала можно и электричкой до Рязани доехать, но лучше всего воспользоваться автобусом. Незачем тря-

стись в поезде, если есть более быстрый и удобный автобусный рейс. Это Демьяну сведущие люди еще в зоне подсказали.

– Ну, зеленый полтинник, и поехали.

И про то, как от Ярославского вокзала добраться до Казанского, ему тоже объяснили. Потому и взял Демьян рыжеусого за горло, причем в прямом смысле этого слова.

– Эй, ты чего?

Демьян отпустил таксиста, отряхнул руки с таким видом, как будто в них только что побывала еще совсем подсохшая коровья лепешка.

– Не люблю, когда за лоха держат.

– Э-э, извини, братан, обознался...

Рыжеусый показал на подземный переход под Комсомольской площадью, и Демьян направился к Казанскому вокзалу, обогнул его справа и вышел к автобусам.

Насколько он понял, это была стихийная стоянка, поэтому водители нервничали. И не властей они боялись, а лихих ребят, которые снимали с них за право работать на их территории. Только Демьян договорился с водителем, как появились крепкие парни в спортивных майках. Разумеется, он отошел в сторону, чтобы не препятствовать процессу банального грабежа. Может, и несправедливо поступала братва, но ведь не он устанавливал эти законы, и не ему их отменять. Может, и пора уже отвыкать от зэковского принципа «каждый за себя и свой интерес», но пока что он еще жил

ЭТИМ.

А через какое-то время эти же ребята подошли к нему самому. Он стоял у ларька с шаурмой, жевал восточную стряпню под пиво, никого не трогал, и вдруг на тебе...

– Слышь, браток, с тобой тут поговорить хотят, – бритоголовый громила с перебитым в двух местах носом показал на стоящую в отдалении черную иномарку с затемненными окнами.

Уж не за рыжеусого ли таксиста с него собираются спросить?

– А что за дела, братва?

Не хотелось ему ломать нос этому парню в третий раз, но и в обиду он себя давать не собирался.

– Леший тебя зовет.

– Леший?!

Россия – страна большая, и в ней полно уголовников по кличке Леший, так что Демьян мог заблуждаться в своих предположениях. И все-таки он отправился к машине.

Леший вышел ему навстречу. Да, это был его авторитетный солагерник, который вышел на свободу месяцем раньше. Не успел выйти, а уже при деле. Ну да, он же в законе.

Леша Васильев действительно чем-то был похож на Лешего. Невысокий, худошавый, внешне неказистый, он обладал дьявольской внутренней энергией, силой которой подчинял себе людей. Он мог воздействовать на человека словом, а мог пустить в ход и кулаки. Говорят, однажды он дрался с

двумя верзилами. Его били смертным боем, но всякий раз он поднимался и отвечал ударом на удар. Силы были неравные, и все-таки противник запаниковал, не выдержал напряжения и сдал свои позиции. И все потому, что Леший одержим нечистой силой. Во всяком случае, так считали многие. В том числе и сам Демьян.

– Бугор! Какая встреча!

Леший улыбался, и радость его была искренняя. Демьян с удивлением смотрел на него. Ведь в зоне они были если не врагами, то противниками – точно. Может, их противостояние и не выходило за рамки приличий, но тем не менее...

А Леший крепко пожал ему руку и даже приобнял его по всем правилам блатного церемониала. Демьян этому противиться не стал.

– А я смотрю, ты это или не ты, – все с той же улыбкой смотрел на него Леший. – Точно ты, бугор... Звонок прозвенел, да?

– Дождался.

– Ну да, если звонок, то на свободу с чистой совестью. А ты мог бы по УДО выйти, как последний удод. Но ты же не козел, бугор. Ты реальный мужик, бугор. Я тебя конкретно уважаю...

Черная шелковая рубаша на Лешем, ворот распахнут, и видна толстенная золотая цепь, оттянутая крупным крестом. И на пальцах массивные золотые печатки, закрывающие табуированные перстни. Чувствуется, что при деньгах Леший.

Москва – золотое дно, и достаточно контролировать часть привокзальной территории, чтобы жить кучеряво.

– Домой едешь? – спросил Леший.

– Домой, – кивнул Демьян.

– Остаться не хочешь?

Он удивленно глянул на вора. Что за вопрос, если у них разные интересы? Демьян – мужик по жизни, Леший – профессиональный вор.

– Что, не въезжаешь? – усмехнулся Леший.

– Да как-то не очень...

– Ладно, я тебе все объясню. Но не сейчас. Пацаны баньку натопили, поехали, оттянемся маленько. Ну, и поговорим заодно...

– Да у меня рейс, – Демьян кивком показал на свой автобус.

Леший ничего не сказал, он всего лишь усмехнулся, указывая этим ему на его оплошность. Действительно, какой может быть рейс, если ему предлагают остаться в Москве?.. Остаться Демьян не собирался, но и от баньки отказаться глупо. Десять лет он не был дома, так что день-другой отсрочки общей картины никак не изменят. К тому же деньги водителю он еще не отдавал.

Демьян согласился и уже через час раздевался в предбаннике сауны, затерянной в лабиринтах улиц Москвы. Жарко на дворе, и в трапезной душновато, но для бывшего зэка это не бедствие. Тем более что бассейн за дверью, небольшой,

квадратов пять-шесть, а вода в нем освежающе холодная. После такого купания парилка показалась Демьяну раем.

А в трапезной его ждало холодное пиво, это ли не кайф...

– Ну как тебе? – в ожидании восторженной похвалы спросил Леший.

Он тоже распарился и сейчас потел под простыней. И пиво пил с удовольствием, хотя опьянел не от него. Похоже, Леший уже успел уколоться, и потому его глазки взбудораженно блестели. Удивляться здесь нечему: редкий вор мог обходиться без ширева. В зоне без этого удовольствия тяжело. Более того, авторитетность вора среди прочего определялась возможностью раздобыть дурь и ударить по вене. Разумеется, это зэковское пристрастие не оставило Лешего на свободе. Бабу можно бросить, а с наркотиками в этом плане гораздо сложнее.

– Шик, блеск, красота, – сдержанно улыбнулся Демьян.

– Ну, я рад... В зоне ты меня конкретно напрягал. А сегодня увидел тебя и обрадовался, как родному. Сам не знаю, что накатило. Сильный ты мужик, Демьян. Конкретный бугор. Мужики тебя уважали. И я тебя уважал... И еще ты Арчила конкретно уделал. А ведь я на волоске тогда висел... Короче, мне такие люди, как ты, нужны. Я тут людей собрал, мне бригадир нужен...

– Я же не блатной, я мужик.

– Так у тебя мужики и будут. В смысле, не блатные. Приблатненные там есть, а блатных нет... Реальные дела прово-

рачивать будем, вокзалы под свой контроль возьмем. Все три вокзала. Это знаешь какие бабки? Тебе и не снились такие!..

– Извини, брат, но я в эти игры не играю, – покачал головой Демьян. – Я мужик по жизни, меня к земле тянет. Я домой хочу, к трактору, землю пахать. Мне больше ничего не надо.

Леший долго и напряженно смотрел на Демьяна.

– Ты это серьезно? – наконец спросил он.

– Каждому свое.

– Ну, ты в натуре...

– Только без обид.

– Да какие там обиды? Свято место пусто не бывает... Это тебе должно быть обидно. Ты землю пахать будешь, а кто-то из братвы с тебя будет иметь.

– Какая братва в нашем колхозе? – усмехнулся Демьян.

– Ну, мало ли...

– Поживем – увидим.

Он мог бы сказать, что на него как сядешь, так и слезешь, но эти слова могли прозвучать как бахвальство, поэтому он отделался философской банальщиной.

– Вот-вот, если вдруг жизнь не заладится, давай сюда, ко мне.

– Зачем я тебе такой буду нужен, если от братвы отбиться не смогу?

– И то верно... – кивнул вор. – Все, закрыли тему. Если вдруг надумаешь остаться, завтра скажешь. А сейчас разла-

гаться будем... Что нам еще до полного счастья не хватает, а?

– А оно есть, полное счастье? – усмехнулся Демьян.

– Ну, мы сейчас это узнаем...

Для полного расклада Лешему не хватало девочек, и они вскоре появились.

Их было четверо, и одна лучше другой. Симпатичная брюнетка с пышной грудью под банной туникой влюбленно глянула на вора, нежно улыбнулась и без приглашения под села к нему, а он, взяв ее за руку, усадил к себе на колени. Судя по всему, это была не первая их встреча.

Из мужчин в трапезной были только Демьян и Леший, еще два братка гоняли бильярд в соседнем помещении. Деловой разговор закончен, и они могли уже сесть за общий стол, но Леший пока их к себе не приглашал. Он предлагал Демьяну право выбора, чтобы лучшая из трех девушек досталась ему.

Впрочем, выбор он уже сделал. Ему приглянулась красивая блондинка с большими глубокими глазами и пухлыми губами. Черты лица у нее не совсем правильные, но тем не менее выглядела эта девушка потрясающе. Феноменальная сексуальность в ней, и удивительно, что Леший не прогнал брюнетку, чтобы завладеть этим дивом. Возможно, его красотка уже успела ему надоесть. Ведь она проститутка и обслуживает клиентов этой сауны не в первый раз, а Леший, очевидно завсегда этой заведения.

– Иди сюда!

Демьян легонько хлопнул по скамье справа от себя. Блон-

динка по взгляду определила, что обращаются к ней, и направилась к нему с какой-то рабской покорностью. И затравленно улыбнулась. Она не хотела идти к Демьяну, но понимала, что выбора у нее нет. Видно, что работает она здесь под принуждением.

Девушка под села к нему, и Демьян не смог удержаться от соблазна обнять ее. Понимал, что не хочет она быть с ним, но мужское желание взяло верх над жалостью. Шутка ли, десять лет у него не было женщины. Да и то, что было, женщиной называлось по половой принадлежности. Была у них в соседней деревушке законченная алкоголичка, которая могла за литр самогона отдаться кому угодно. Все к ней ходили, и Демьян не стал исключением. Законная подруга в таких удовольствиях ему отказывала, так он у пьяной вдовушки утешение находил.

– Как зовут?

– Лора, – вымученно улыбнулась блондинка.

Она не пыталась вырваться из его объятий, но держалась скованно, и он чувствовал, как дрожит ее тело. И плотское возбуждение здесь вовсе ни при чем.

– Будешь со мной.

– Буду.

– А хочешь?

– Хочу.

Она и хотела бы ответить отказом, но боялась сделать это. Ведь за это ее накажут... В сауну так просто не попадешь,

дверь закрыта на замок, и еще пост в тамбуре за ней выставлен. На окнах решетки, через них не выпрыгнешь, а мимо охранника на входе так просто не пройдешь. И девчонок сюда, возможно, привозят под конвоем. А может, здесь их где-то и держат под надзором...

– Да ты не бойся, я тебя не обижу.

– Да я и не боюсь, – совсем не убедительно сказала Лора.

– Боишься. Я же вижу, что боишься.

Какое-то время она смотрела на Демьяна внимательным, но робким взглядом. Девушка изучала его, определяла степень потенциальной опасности, которую он мог собой представлять. Но, видимо, страшного в нем ничего не нашла, поэтому позволила себе усмехнуться с беззубым ехидством.

– Добреньким притворяешься?

Ее товарки уже покинули трапезную, а Лешему было не до нее. Он уже вовсю развлекался со своей брюнеткой. Девушка плотно сидела на нем и под аккомпанемент собственных пока что еще приглушенных стонов двигала задом. Простыня с ее тела сползла и валялась где-то на полу, и видно было, как ее выпуклости сотрясаются в такт движению. Картина в высшей степени возбуждающая, но Лора никак не реагировала на эту вакханалию. Видимо, и не к такому привыкла.

– Почему притворяюсь?

– Да потому что знаю таких, сначала добренькие, а потом как... – она запнулась и в отчаянии сделала красноречивый жест рукой.

Да и без того не трудно было догадаться, чем заканчивалась для нее такая вот показная «добродота».

– А тебе это не нравится?

Судя по выражению ее лица, Лора хотела сказать «нет», но промолчала. Она боялась, что Демьян пожалуется на нее хозяину.

– Выпьешь?

– Если можно...

Он подал ей банку пива, но девушка потянулась к водке. Откупорила бутылку, наполнила стограммовую стопку, зажмурилась и залпом выпила. Демьян подал ей огурчик, и она с благодарностью приняла его. Напиток оказался для девушки слишком крепким. Но ничего, восстановила дыхание, закусила и снова повторила. Похоже, напиться она хотела только для того, чтобы отрешиться от грязной действительности. Или хотя бы раскрепоститься, чтобы легче дело шло...

Леший оттолкнул от себя брюнетку и удивленно посмотрел на Демьяна:

– А ты чего сидишь, как неживой? Телка не нравится? Так давай поменяемся!

Брюнетка томила после бурного излияния, но во взгляде, обращенном к Демьяну, уже разгорались похотливые угольки. Эта, похоже, работала по своей воле и с удовольствием. Но слишком уж убого смотрелась она по сравнению со своей подружкой.

Да и Лора, судя по всему, не хотела поменяться с ней ме-

стами. Поэтому и взяла Демьяна за руку:

– Мы пошли!

Лора повела его к парилке, по пути скинула с себя тунику. Она велела ему лечь на полок, а сама взялась за веник.

Глава 4

Он мог наблюдать за ней. Фигура у девушки великолепная. Грудь приличных размеров, талия тонкая; аккуратно подстриженный лобок. Совсем недавно Демьяну нравились женщины в теле, но сейчас его представления об идеальных формах вдруг в корне изменились.

Большая у Лоры «душа» и попа рельефная, а в целом она худенькая, даже хрупкая, но веником при этом махала, как заправский банщик с натренированной рукой. И через эти хлесткие удары ему, казалось, передавался жар ее желанного тела. Только жар этот искусственный, не от души. Впрочем, Демьян все равно закипел изнутри.

– Давай, теперь ты ложись!

Он вскочил с полока, велел девушке занять его место. Лора подчинилась, но, когда он взялся за веник, в страхе закрыла глаза.

– Что такое?

– Не надо. Я боюсь.

– Тебя били?

Она молча отвернула от Демьяна голову.

– Не бойся, я никому не скажу.

Она кивнула. Да, ее били. Да, она здесь по принуждению. Но на спасение не надеется.

– Лешего знаешь?

Лора снова кивнула.

– Он твой хозяин?

– Нет, он просто часто в сауне бывает...

– А ты давно здесь?

– Уже второй месяц...

– Сама захотела?

– Нет. Меня в залог взяли...

– Не понял.

– Муж мой бандитам задолжал, и они меня в залог взяли.

Пока он не расплатится. А он куда-то пропал... Может, они его убили...

Демьян не видел лица девушки, но слышал, как она всхлипнула.

– А если убили?

– Тогда я останусь здесь навсегда... Уже осталась.

– А что, уйти не можешь?

– Если могла бы, давно бы ушла... Принеси выпить, а? А потом в бассейн. Я тебя согрею... – без всякого на то желания сказала Лора.

Она осталась в парилке, а Демьян отправился в трапезную.

Моечная с бассейном выходила в коридор, из которого можно было попасть в трапезную, бильярдную и массажную. Сюда и вышел Демьян, а дверь в трапезную в это время открывал какой-то человек в черном и в маске. И с пистолетом в руке.

Реакция у этого подозрительного типа выше всяких похвал. Учувя опасность, он шустро захлопнул приоткрытую было дверь и направил ствол на Демьяна. Видно, что профи. Такие стреляют быстро и без промаха. Но ведь и на старуху бывает проруха, и этому не подфартило. Слишком уж узкий был коридор, и киллеру просто-напросто не хватило расстояния, чтобы разделаться с неожиданной помехой. А удар у Демьяна быстрый и убойный.

Киллер ударился головой в дверь, под тяжестью его тела та раскрылась, и он ввалился в трапезную. Леший уже учувял неладное, но он еще только поднимался из-за стола. Он запросто мог бы стать легкой жертвой убийцы, если бы не Демьян.

– Это что такое? – взревел он.

Впрочем, объяснять ему ничего не пришлось. Он оставил киллера под присмотром одного из своих бойцов, а сам отправился в бильярдную. Как чувствовал он, что киллер мимо этой комнаты не прошел. И точно, второй из двух его бойцов лежал на полу. Пуля попала ему точно в нос, перебив его в третий, на этот раз уже в последний раз. Но это рэкетир, его не так уж и жалко. На столе, грудью накрыв его, с кием в руках лежала проститутка. Видно, она собиралась ударить по шару, когда раздался роковой для нее выстрел. Над ухом пулевое отверстие, зеленое сукно залито кровью. Вот уж кого действительно было жаль.

– Черт, они же меня хотели мочкануть! – взвыл Леший.

Он прежде всего думал о себе. Да и Демьян радовался, что сам не стал жертвой. А это вполне могло произойти. Пистолет у киллера с глушителем, убивал он беззвучно и после расправы в трапезной запросто мог заглянуть в парилку.

Охранника нашли на крыльце. Видимо, парень вышел покурить, тут его и накрыли. Все тот же точный выстрел в голову. Видно, что работал профи.

– Уходить надо!

Леший благодарно глянул на Демьяна, но ничего не сказал. Некогда ему выражать свои чувства, спешить надо. И еще с киллером разобраться нужно успеть. Да и Демьяну сматываться пора. Убитый охранник лежит на виду, возможно, кто-то из прохожих уже вызвал ментов, а крайним остаться ему неохота.

Но и про Лору он не забывал. Девушка стояла под душем, смывая с себя мыльную пену. Стояла спиной к двери, ни о чем не ведая. Так и пристрелил бы ее киллер, и Демьяна с ней заодно... А ведь их спасло чудо. А может быть, это само провидение подсказывает, что им нужно быть вместе.

– Выпить принес? – спросила девушка.

– Где твоя одежда?

– Вот, – она показала на брошенную на полу тунику.

– И все?

– И все.

– Давай одевайся!

Демьян бросил ей свою рубаху, и, пока она ее надевала,

влез в свои брюки. Майки у него не было, но ничего, с голым торсом в такую жару в самый раз.

И о выпивке он не забыл, забрал с собой початую бутылку водки, а также все банки от пива, из которых пил; сгрузил все это в пакет. Желание напиться здесь ни при чем. Просто на этих предметах могли остаться отпечатки пальцев, а они в ментовской картотеке... Шесть лет в неволе не прошли даром, кое-чему Демьян научился.

Леший и его боец занимались киллером. Связали его, потащили к себе в машину. Демьяна они едва замечали и слова не сказали, когда он прошел мимо них вместе с Лорой.

Пристройка с сауной находилась с тыльной стороны какого-то магазина, «чужие» здесь не ходят, а «своих» не наблюдается. Во всяком случае, на пути Демьяна с Лорой никто не попался. И только когда они вышли на оживленную улицу, на них устремились недоуменные взгляды. На нем только джинсы, на ней – рубаша не по размеру, длиной чуть ли не до колен. Но торс у Демьяна мощный, руки мускулистые, кулаки будь здоров, так что в лицо им никто не смеялся, а то, что происходит за спиной, его не волновало.

Денег у него было немного: все, что заработал в зоне, сожрала инфляция, хорошо, братва наскребла пару сотен долларов на первое время, да и в рублях еще тысяч триста осталось. Словом, Демьян мог позволить себе взять такси.

– Куда тебе ехать? – спросил он.

– Не знаю, – в замешательстве посмотрела на него Лора.

Девушка все еще не могла отойти от шока, в который вогнал ее вид трупов. Она и подружку свою убитую заметила, когда уходила и через труп охранника пришлось переступить – так неудобно он лежал. Казалось, Лора так и не поняла, что с ней сейчас происходит. Демьян вырвал ее из притона, но ступор, в который она впала, мешал ей осознать этот факт.

– Муж где живет?

– Не знаю.

– А сама живешь где?

– В Пензе родители.

– Далеко. Да и не надо туда ехать.

– Почему?

– Тебя твои хозяева хватятся. Ты для них опасный свидетель...

– Я не видела убийцу... Не видела, как убивают...

Демьян вышел на дорогу, вытянул руку и почти сразу же рядом остановилась убитая «тройка» с усатым кавказцем за рулем. Похоже, этого типа привлекла не только возможность подзаработать, но и сама Лора. Возможно, он принял Демьяна за сутенера, а ее – за проститутку. Дать бы ему в лоб за такие мысли...

– Куда едем? – с акцентом и сальной улыбкой спросил он.

– В Рязань.

– А это далеко?

– Ну, не в саму Рязань, дальше... В общем, триста километров.

– Эй, это далеко!

– Двести долларов дам.

– Э-э... Извини, дорогой, не могу, по дороге сломаюсь, что потом делать, а?

Демьян даже обрадовался, что не удалось прокатиться с ветерком до села Приволья. Хотелось бы, но двести долларов – это слишком большая сумма для бывшего зэка. У родителей дела не самым лучшим образом обстоят, так что совсем без денег ему дома придется туго. И это при том, что на легкую жизнь он не рассчитывал.

– Давай на Казанский вокзал.

– Как скажешь, дорогой.

– Нам бы на барахолку заехать, одежду какую-нибудь купить.

– Хорошо, заедем. Есть тут одно место... А что случилось, дорогой?

– Да вот, жену у мужа увел.

– Совсем голую жену?

– Да, так вышло...

– Секс у вас был, да? А тут муж пришел, да?

– Пришел. Я бы его не тронул, а он вопросы глупые задавать начал. Пришлось его убить. Натура у меня такая, я всех убиваю, кто глупые вопросы задает...

И намек на кавказца подействовал, и грубый тон, поэтому за всю дорогу он больше не проронил ни слова.

По пути на вокзал водитель остановился у какого-то про-

дуктового рынка с одним-единственным вещевым рядом. Одежда здесь убогая, дешевый ширпотреб китайского производства, зато здесь и белье для Лоры нашлось, и спортивный костюм – жалкая подделка под «Адидас». Но подходит по размеру и смотрится неплохо. И еще здесь же Демьян поменял сто долларов на двести тысяч рублей.

Переодевалась Лора в машине. Все это время Демьян смотрел в зеркало заднего вида и держал перед собой крепко сжатый кулак. Кавказец понимал, что происходит на заднем сиденье, но взгляд назад оборотить не смел. Обнаженная женская грудь своим видом доставляет эстетическое удовольствие, но лучше остаться без него, чем получить кулаком в зубы.

Над Москвой уже стемнело, когда кавказец подвез их к вокзалу. Демьян рассчитался с водителем, помог Лоре выйти из машины. На стоянке спокойно, а у входа в здание вокзала суета, и почему-то не очень хотелось туда соваться.

– И что дальше? – спросила девушка.

– Не знаю, – пожал плечами Демьян.

– А кто знает?.. Надеюсь, вопрос не очень глупый? Надеюсь, ты меня не убьешь?

– Нет.

– Я про тебя ничего не знаю.

– Я не убийца.

– А за что сидел?

– За убийство... Но это случайно, в драке...

– Кто-то задавал глупые вопросы?

– Нет, кто-то задал глупую боевую задачу. В Афгане. Духи тогда кучу наших ребят положили...

– В Афгане? Ты воевал?

– Я военный. Старшина-сверхсрочник. И сейчас возвращаюсь домой. Неважно, что путь в родные края через тюрьму лежит. Главное, что возвращаюсь.

– И мне домой надо.

– Я же сказал, дома тебе появляться опасно. Где твой паспорт?

– Нет у меня паспорта. Эти скоты у меня все забрали...

– А в паспорте пензенская прописка.

– Да, есть такое...

– Тебя быстро найдут.

– Наверное, ты прав.

– В лучшем случае тебя заберут обратно. В худшем... – Демьян с многозначительным видом замолчал.

– Да, я все понимаю, – кивнула Лора.

– И с мужем твоим что-то случилось, если он тебя не купил.

– Да, они говорили, что могут убить его... Сказали, что убьют, если я с ними не поеду...

– И ты поверила?

– Они действительно собирались его убить. Еще бы чуть-чуть, и Колян бы выстрелил...

– А ты его остановила?

– Да, я его остановила... Алик сказал, что на следующий день меня выкупит, а прошло больше месяца...

– Ты его любила?

– Почему любила? Я его и сейчас люблю...

– Будешь его искать?

– Как я его найду?

– У него что, друзей не было?

– Друзей? Друзья были... Да, у Игоря можно спросить, я знаю, где он живет... Только я боюсь.

– Чего ты боишься?

– А вдруг меня найдут, снова в притон отправят...

– Кто, Игорь?

– Нет, Алик... Вдруг он еще долг не выплатил. Вдруг Бабуин за ним наблюдает? А я к Бабуину обратно не хочу... А может, и нет Алика больше... А если есть, то я с ним больше не хочу...

– Но ты же любишь его.

– Люблю. Но я его прокляла... Если он живой, он должен был меня выкупить. Если бы ты знал, как я его ненавидела!

– А если он мертвый?

– Он мертвый. Может, он живой, но для меня он покойник. Мне так легче...

– С тобой все ясно.

– Что тебе ясно?

– Что тебе некуда податься.

– Некуда, – вздохнула девушка.

– Если хочешь, со мной поехали.

– В Рязань?

– Ну, в общем, да, – кивнул он.

– Я не знаю... Мужик ты вроде ничего, интересный... – кокетливо произнесла Лора.

– Только...

– Только ты не очень хочешь брать меня с собой, – горько усмехнулась Лора.

– Почему ты так решила?

– Потому что я шлюха, через меня столько мужиков прошло, что и не сосчитать...

– Это здесь ни при чем.

– А что при чем? Я же вижу, что ты не очень хочешь брать меня с собой.

– Хочу. Но сомневаюсь.

– Вот я и говорю, зачем я тебе такая пропащая нужна?

– Ты сначала выслушай, тараторка, – хмыкнул Демьян. – Я не в самой Рязани живу, это почти сто километров от города, деревня у нас, коровы, гуси, никаких удобств. А дом большой. Это хорошо, что большой, но пахать с утра до ночи надо, чтобы нормально жить...

– Деревня? – задумалась Лора.

– Вообще-то село у нас. Потому что церковь есть. Но все равно деревня... Ты городская?

– Да... У бабушки в деревне жила, но я там с утра до ночи не вкалывала.

– Корову доила?

– Это я умею. Только не очень. И еще коров пасти могу.

– Тоже не очень?

– Ну, да... На общественных, так сказать, началах.

– У нас работают, чтобы жить. Хорошо работаешь, хорошо живешь. Плохо работаешь, значит, непутевый. Я непутевым быть не хочу... Трудная у нас на селе жизнь, и тебе может не понравиться. Если хочешь, поехали со мной, если нет... В общем, я не настаиваю.

– Не настаиваешь? – с упреком глянула на Демьяна девушка. – А я хочу, чтобы ты настаивал... Если ты будешь настаивать, я с тобой поеду, если нет... А если я тебе не нужна, то и ехать смысла нет.

– Тогда я настаиваю.

– А зачем я тебе? Коров доить и гусей пасти?

– Нет, нравишься ты мне.

– Что-то не очень верится... Может, ты меня в рабство заманиваешь? Буду как негр на плантациях...

– Ну, работать, конечно, придется. У нас в деревне без этого никуда. Но я обещаю тебе щадящий режим...

– А если все-таки в рабство?

– Тогда ты можешь уйти.

– И ты меня так простопустишь?

– Отпущу. Только буду очень об этом жалеть.

– Почему?

– Потому что ты очень красивая. Потому что я хочу, что-

бы ты стала моей женой.

– Ничего себе! – Лора попыталась скрыть свою радость за ехидной насмешкой, только это не очень ей удалось.

– И мне все равно, что там у тебя было до меня.

– А ничего не было.

– Вот и хорошо.

– Если я тебе так нравлюсь, почему ты можешь меня отпустить?

– Я же говорю, деревенская жизнь – не сахар, поэтому у тебя должно быть право выбора. Чтобы ты меня потом не упрекала.

– Чтобы я тебя потом не упрекала? – удивленно и с насмешкой спросила она. – Я не знаю, может, ты и был старшиной, но я тебе не солдат. Я женщина, и ваша мужская логика не для нас. Ты меня предупредил, и что? Если надо будет, я тебя так упрекну, что мало не покажется... Слушай, мы что, до утра здесь стоять будем?

– Нет. Надо билет на поезд покупать... Хотя сейчас для этого дела паспорт требуется.

У него-то хотя бы справка об освобождении была, а у Лоры никаких документов, но билет на электричку можно было взять и без паспорта.

Глава 5

Хвойный лес спускался с пригорка к реке, смешиваясь с камышовыми зарослями. Церковные купола отливали золотом, от бревенчатых домов растянутого вдоль берега села, казалось, тянуло свежее испеченным хлебом. Демьяну вдруг до нервной чесотки захотелось разломить горячий каравай, сунуть нос в ароматную мякоть и, затаив дыхание, наслаждаться запахом родного дома.

Только вот есть ли дома хлеб? Логика подсказывала, что есть. Но его терзало ощущение непоправимой беды. От самого райцентра к родному селу вдоль дороги тянулись поросшие дикой травой поля. Когда-то здесь колосилась пшеница, а сейчас запустение. Даже трава на сено не скашивалась, а уже пора. Попадались островки благополучия – картофельные и пшеничные поля, но это, увы, исключение из правил.

Асфальтовая дорога уже закончилась, автобус трясется, в салоне пыльно, но никого это не смущает. Людям гораздо интересней знать, кого это Демьян везет с собой. Лора осталась в Москве, а к нему домой ехала Лариса. Устала она с дороги, волосы несвежие, косметика с лица смылась еще в сауне; спортивный костюм не самая лучшая одежда для женщины, но все равно Лариса выглядела очень привлекательно. Таких красавиц в родном Приволье нет. Во всяком слу-

чае, Демьян был в том уверен.

Да и дядя Костя ухарски подкручивает некогда черные усы, поглядывая на Ларису. В общем-то, он уже не дядя, а дед. Постарел за десять лет, осунулся, раньше в дефицитных джинсах по деревне щеголял, а сейчас, когда этого добра хватает, на нем брюки старые с латками на коленях, кирзовые сапоги. Сдал он очень сильно за прошедшие годы, но все равно хорохорится. Но удальство это беспомощное и потому не раздражает, а скорее вызывает сожаление.

И Лидия Степановна очень изменилась, и Ольга Васильевна. Располнели, постарели, обабилась. И на Ларису смотрят с загадочными улыбками. Эх, скорей бы домой добраться, по соседским ушам проехаться «А Дёмка Уваров с девкой какой-то домой вернулся, а ведь его Катька Иванова из армии ждала...» И все равно им, что Катька вышла замуж еще до того, как он отслужил свои солдатские два года. Он потому на сверхсрочную и остался, что Катька его предала. Двое детей у нее. А может, уже и трое...

Демьян и сам изменился. Тот же дядя Костя не сразу его узнал. Верней, ему самому пришлось подсказать, что Демьян он, Савелия Уварова сын. «Как же ты вырос, Дёма! Повзрослел. Возмужал...» Метр семьдесят шесть было в нем росту, когда он в армию уходил, за два года десять сантиметров прибавил, ну, и в плечах еще больше раздался, хотя и без того был крепким, плотно сбитым. А в тюрьме он еще и заматерел.

Тюрьмой его никто не попрекал. Не видел он осуждения в глазах односельчан. Если бы он людей обворовывал, а так человека сгоряча ударил, ну, не рассчитал чуток, с кем не бывает. В деревне все обо всем знают, потому Демьяну оправдываться не пришлось. Да он, в общем-то, и не собирался этого делать...

Это в городе попробуй устроиться на нормальную работу с отметкой о судимости, а в деревне гораздо проще. Здесь всегда требуются рабочие руки, да и к бывшим зэкам отношение философское. А кто не сидел?

Но есть ли вообще работа в деревне? Если поля заброшены, то чем здесь тогда люди занимаются? У дяди Кости Демьян ничего не спрашивал: не хотел заранее расстраиваться. У отца спросит. Если тот не сильно пьян...

Раньше отец бригадиром трактористов работал, а когда колхоз развалился, спиваться стал. Мать писала, жаловалась, хотя и понимала, что Демьян ничем помочь не мог.

Пронеслись над деревней лихие демократические времена, капитализм за собой притащили, и от колхоза осталось одно только название. Землю поделили между сельчанами, технику растащили по дворам новоявленные фермеры, появились частные хозяйства. Демьян знал об этом по письмам с родины. Но ведь он думал, что жизнь на полях теплится, а оказывается, запустение там, может, и не сплошное, но хорошего мало.

И работы на полях почти нет, и людей в автобусе мало, а

ведь он всего два раза в день ездит. Раньше салон «пазика» битком набивался, а сейчас только пять пассажиров. Мама писала, что молодежь на заработки в города уезжает. Может, никого уже, кроме стариков, здесь и не осталось. Скорее всего, так и есть. Старший брат в Рязани вместе с семьей, да и младшая сестра замуж за городского вышла, в Туле живет. И так почти в каждой семье.

Не надо ничего спрашивать у дяди Кости. И у отца можно не узнавать. И так все понятно... Хотя было бы лучше, если бы Демьян ошибался.

Автобус остановился у самой околицы. Это первая остановка, и Демьяну здесь выходить. Сейчас они с Ларисой сойдут с дороги на широкую торную тропку и двинутся вдоль владений деда Силантия – это самый короткий путь к отчому дому.

Демьян не торопился, вышел из автобуса, помог сойти Ларисе, поставил чемодан на землю, осмотрелся. Изба деда Силантия заброшена – окна заколочены, двор и огород поросли бурьяном. И свой дом он увидел. Забор высокий, но и фундамент не низкий, потому и видно, как стекла в окнах на солнце блестят.

Автобус уже вдаль, поднятая им пыль оседает. Надо идти, но Лариса держит Демьяна за руку так, как будто пытается удержать. Боится она идти к его родителям, да и он, честно говоря, переживает за нее. Мать и отец у него плоть от плоти деревенские жители, и к невесткам у них отношение

особое. Демьян помнил, как приняли они в дом жену старшего брата – армейская дедовщина отдыхает. Батогами Лену, конечно, не охаживали, но работала она в доме за троих. И то не так, и это не эдак. Неудивительно, что брат ушел жить вместе с женой к своей теще, а потом и вовсе уехал в город. Сейчас родительский дом Лены пустует, и если вдруг что, Демьян может перебраться туда. Брат с женой только рады будут, если он там обоснуется. В общем, есть куда отступать, если родители вдруг дедовщину разведут. Хотя и не должно этого быть. Отец уже не тот, что прежде, да и мать плоха, за ней самой присмотр нужен.

– Пошли, нормально все будет, – сказал Демьян.

Но только он поднял с земли чемодан, как из села выехала белая «Нива». Они собирались сойти с дороги на тропинку, когда машина поравнялась с ними и остановилась.

Из машины вышел грузный мужик с почерневшим на солнце лицом. Ковбойская шляпа, армейский камуфляж, берцы... А машина у него новая.

– Дёма?!

Демьян тоже узнал его. Это же Юра Комаров, одноклассник его. Раньше он был просто крупным, а сейчас еще и растолстел. Пузо из штанов вываливается, второй подбородок трясется на ходу.

Юра шел к Демьяну, а смотрел на Ларису. Завороженно смотрел.

В школе они не то чтобы враждовали, но и дружбы между

ними не было. А с тех пор, как Демьян сошелся с Катей, так Юра и вовсе его возненавидел. Потому что сам был влюблен в нее.

Но ничего, справедливость для него восторжествовала. Уломал он Катю, затащил ее под венец. Демьян хорошо помнит тот день, когда из дома пришло письмо с печальным известием. Он тогда всерьез думал сбежать из части, вернуться домой и набить Юрке морду. Остановило его то, что сбежать из расположения полка можно было только к духам в плен.

Прошли годы, боль улеглась, остались только отголоски обиды. Плевать ему на Катю, и с Юркой выяснять отношения он не собирался. А сейчас у него есть Лариса, и Катя на ее фоне выглядит бледно. Только вот уже хочется врезать Юрке справа, да так, чтобы челюсть свернуть. Не нравилось ему, как этот жук смотрит на Ларису. Неужто уже забыл про свою Катьку?

Комаров пялился на Ларису, но подошел к Демьяну, вымученно улыбнулся, подал руку. Вялое вышло рукопожатие, но лучше так, чем в морду. Не хотелось Демьяну мотать второй срок из-за этого проходимца.

– Давно не виделись, Дёма!

– Да вот, в командировке был, Юра.

– Знаю, знаю, что за командировка у тебя была, – не без ехидства сказал Комаров.

И снова чересчур уж заинтересованно глянул на Ларису.

– Да вот командира своего пристукнул. Было за что... Как

там Катя поживает?

Демьян явно намекнул, что может пристукнуть и самого Юрку, если тот не одумается. И тот все понял, отвел от Ларисы глаза так, как будто его током ударило.

– Катя? Хорошо Катя поживает... Ты, конечно, извини, что так вышло...

– Да я уже забыл.

– Я так и понял.

Комаров быстро глянул на Ларису, и только для того, чтобы пояснить свои слова. Дескать, с такой красавицей нетрудно забыть Катю.

– Жена?

– Жена.

Не могла Лариса стать его супругой за столь короткий срок. Ни времени у них не было, чтобы брак зарегистрировать, ни паспортов. Но в словах Демьяна не было ни капли сомнения – да, она его жена, и точка.

– Из командировки привез?

– Не твое дело, – отрезал Демьян.

– Ну да, не мое, – неохотно согласился Комаров. – У меня и без этого дел хватает. Дом вот второй ставлю...

– Да? Тогда не будем тебе мешать.

Демьян очень хотел оставить Юрку далеко у себя за спиной, но тот прилип как банный лист.

– Да нет, я успеваю. У меня же машина, – с гордостью показал он на свою «Ниву». – Новенькая, только что с конвей-

ера.

– Мои поздравления, – сухо сказал Демьян. – Пойдем мы.

– Завидуешь? – попытался уколоть бывшего одноклассника Комаров.

Демьян глянул на него, как в зоне смотрят на последнего чушка, и, взяв Ларису под руку, пошел своей дорогой.

– Нехорошо завидовать! – услышал он вслед.

Но в словах Комарова было больше досады, чем превосходства. Не смог он ущемить Демьяна, хотя и старался.

– Других учит, а сам завидует, – сказал Уваров, когда Комаров сел в машину и захлопнул за собой дверцу.

– Кому? – спросила Лариса.

– Мне. Потому что я самый богатый на деревне человек.

– Это правда? – удивилась девушка.

– Конечно. У меня есть ты, поэтому Юрка мне завидует. Ты самое главное мое сокровище. А дом мы построим. И машину купим. Руки у меня есть, земля гуляет, а работать я умею... Нормально все будет, вот увидишь.

– Хотелось бы поскорей это увидеть, – невесело улыбнулась Лариса.

Отца Демьян увидел на завалинке. Бревен большая куча, их на дрова пилить надо, а он с мужиками квасит. Ящик у них газеткой накрыт, бутылка с мутным самогоном, огурец, луковица, сала немного. Им бы землю пахать, а они бухают.

Отец был уже в таком состоянии, что не узнал Демьяна. Смотрит на него мутным взглядом, ничего не соображает.

Если бы Кузьмич не подсказал, так бы ничего и не понял.

– Дёма?! Ты откуда? – с трудом поднимаясь, заплетающимся языком спросил батяня.

Отвечать Демьян не стал: отец и так должен знать, откуда он вернулся. Если спрашивает об этом, значит, в дрезину пьян. А если он такой датый, то и говорить с ним не о чем. Но обнял он отца крепко, от всей души. Хоть и пьяница он горький, но ведь родная душа, и Демьян страшно по нему соскучился.

– Выпьешь с дороги? – спросил Кузьмич.

Отец постарел, да и пристрастие к спиртному давало о себе знать. Волосы совсем уже седые, морщины на лице глубокие, высох он, сгорбился, да и ростом стал меньше. Зато Кузьмич как был десять лет назад сморчком, там им и остался. Отец передовиком производства был, когда Демьяна в армию забирали, а этот уже тогда во всю алканил. И не затоптала его белая горячка.

Но с Кузьмичом понятно, а как объяснить, что третьим в этой «сообразительной» компании был Васька Ломов. Он же всего на три года старше Демьяна, а выглядит уже как сорокалетний мужик, если не старше. Морда красная, глаза залитые, одет как последний бомж. А ведь раньше баранку крутил, пил только по праздникам. Что же с деревней случилось?

– Сейчас нет, – качнул головой Демьян. – А там видно будет... Мать где? – спросил он у отца.

– Пошли, проведу.

Но в дом пришлось вести его самого. Вернее, тащить на себе. Демьян усадил его на скамейку перед дверью, и он тут же завалился на бок. Еще ладони под ухом сложить успел, прежде чем заснуть.

Демьян виновато посмотрел на Ларису. Дескать, такой вот у него батя, и ничего с ним не поделаешь.

Дом у них неспроста стоял на окраине деревни. Отец поставил его сравнительно недавно, пятнадцать лет назад. Демьян с братом помогли ему заливать фундамент, тесать бревна, ставить сруб. И соседи помогали. Грандиозное было строительство, а новоселье обмывали шумно – две свиньи зарезали, три ящика водки высушили, и это не считая самогона.

Образцовое хозяйство было у родителей – дом на три теплые и две «холодные» комнаты, две печи в нем, коровник во дворе, свинарник в огороде, куры, утки. Да и сам огород метров пятьдесят до реки, и еще столько же вширь. Двор перед домом асфальтом был залит, в палисаднике под окном цвели розы.

Асфальт никуда не делся, но сквозь него трава пробилась, палисадник зарос. Запущен двор, хотя до разрухи все-таки еще далеко. Железо на крыше ржавое, но прочное, стропила ничуть не просели, дом стоит крепко, и фундамент не растрескался. От коровника навозом несет, значит, есть животина в стойле. Хотя бы одна корова, и то хорошо.

В сенях пахло молоком, и это еще больше обнадежило Демьяна. Но в горнице он учуял запах корвалола, это насторожило. Мать писала, что со здоровьем у нее неважно, но по дому работает, с хозяйством управляется. Что, если слегла?

Маму он нашел в «холодной» комнате. Там сейчас тепло, но не жарко, как в горнице. Она лежала на кровати поверх покрывала, подушка под головой, глаза закрыты, грудь высоко вздымается.

Раздобрела она за десять лет, но полнота эта нездоровая. Ноги не просто растолстели, а еще и отекли, вены распухли в безобразном узоре. И постарела она сильно, лицо в паути-не морщин, желтоватая седина в волосах. Да, старость не радость.

Мама почувствовала взгляд, сначала дрогнули ресницы, потом открылись глаза. На Демьяна она посмотрела как на сновидение, спокойно улыбнулась ему. Но вот до нее дошло, что сын стоит перед ней наяву, стала подниматься. Демьян попытался ее удержать, бесполезно. Хоть и тяжело ей это далось, но все-таки она поднялась на ноги, обняла сына крепко-крепко. И неизвестно, как долго бы она держала его в своих объятиях, если бы не увидела Ларису, что стояла у порога.

– А это кто? – потрясенно спросила она.

– Жена моя.

– Быть этого не может.

– Почему? – удивился Демьян.

– Потому что вы снились мне. Оба снились. Фотография

в рамке висит, ты в форме, она в белой фате, как у меня с отцом. Только ты вместо отца, и она вместо меня. Счастливые такие, улыбаетесь... Ну, и как зовут тебя, дочка?

– Лариса.

– Ну, иди сюда, я тебя обниму.

Мама и сама шагнула в ее сторону, но пошатнулась и остановилась. Но Лариса подошла к ней и неловко улыбнулась, когда мама ее обняла.

– Ты же никуда не уедешь, девочка моя? – со слезами на глазах спросила она.

– А я должна уехать? – спросила Лариса.

– Ты же городская.

– Городская.

– А городским у нас трудно. Городские от нас бегут...

– Обижать не будем – не сбежит, – улыбнулся Демьян.

– Я тебе обижу!.. Если что, жалуйся мне, дочка, – обращаясь к Ларисе, сказала мама. – Я тебя в обиду не дам...

– Спасибо.

– Устали, наверное, с дороги?

– Да есть немного, – кивнул Демьян.

– А у меня обед не приготовлен. Но ничего, сейчас пирогов напечем. Лариса, ты умеешь пироги печь?

– Ну, если в духовке, то могу.

– Есть у нас духовка, но лучше в печи. Мы маленькую печь растопим, там тоже вкусно получается. Пошли, покажу, как это делается...

– Только не сильно напрягай, – подсказал Демьян.

Но мама махнула на него рукой. Дескать, и без тебя все понятно.

Глава 6

При старом доме банька топилась по-черному, а в новом варианте и труба есть железная, и жара от камней больше. Захламлена банька, окна в ней грязные, полы давно не протирались, но Демьян навел здесь марафет. Особо не усердствовал, потому что корову нужно было в дом загнать, подоить, дело это простое, но с непривычки нудноватое. И еще в коровнике порядок навел. Так хоть и не авгиевы конюшни, но все-таки работы хватало. Совсем плохая мама стала, ходит с трудом, с хозяйством управляется плохо. Потому и не хочет она, чтобы Демьян уезжал от них. Потому и невестку приласкала. И Лариса, в свою очередь, старается – и в погребке уже освоилась: картошку и ягоды для пирогов оттуда натаскала. И даже полы в доме вымыла, может, не очень хорошо, но мама даже и не думала придирааться. Даже головой с осуждением не качала, как она умела это делать.

Устал Демьян с дороги, но это не город, а в деревне отдых только снится. Одно, другое, третье, и не заметил, как в работу втянулся. В зоне он своими руками в последние годы ничего не делал, только командовал, но все-таки от физического труда не отвык. А желание работать только окрепло.

Ночь уже на деревню опустилась, а Демьян так и не побывал за столом. Но банька уже почти натоплена – сейчас они с Ларисой перекусят немного, выпьют, помоются с дороги.

Вообще-то все должно быть наоборот – сначала банька, затем стол, но так уж вышло, что одно опередило другое.

Отец уже не лежит на скамье у дома, а сидит. Проспался и глаза трет, глядя на Демьяна.

– А я думал, ты мне приснился.

– Если я Кузьмича еще раз здесь увижу, я ему башку откручу, – предупредил Демьян. – Так ему и передай.

Отец в недоумении глянул на сына, а Демьян и сам себе удивился. Ведь совсем не это он собирался сказать. По-доброму с отцом поговорить хотел, а тут вдруг нахлынуло.

– Сынок, что с тобой?

– В огороде одна картошка да капуста, и того чуть-чуть. А остальное – бузина. И как это называется?

– Нам с матерью хватает... И еще подработка на стороне есть.

– Какая подработка?

– Да так, то, се... А ты что, сынок, учить меня вздумал? – нахохлился отец.

– Пока пить не бросишь, буду, – отсек Демьян.

– Вот, значит, какой ты стал... Ну да, герой войны, старшина...

– И еще бугром в зоне был.

– Но я же тебе не зэк, сына. И не солдат.

– Мать пожалей, она же на ладан дышит...

– Дожились, сын отца воспитывает.

– Давай в дом, там уже все готово.

Демьян и рад был бы попросить отца не злоупотреблять, но ведь это же бесполезно. Да и всерьез поругаться можно. Сейчас Савелий Демьянович скорее умиляется, чем злится, но если ему отказать в рюмке, то может подняться буря. В стакане.

Стол действительно уже накрыт. Пироги с картофелем, с творогом, с соленой рыбой и черничным вареньем, и еще картошка вареная с квашеной капустой. Вот и все разносолы. Но для родителей и это за счастье. А ведь когда-то колбасы домашние для дорогих гостей в печи жарились, окорока нарезались, а рыбы сколько было... Ничего, все это еще будет. Демьян вернулся домой, и он твердо намерен вернуть сюда достаток.

Мама уже за столом, она листала альбом с фотографиями, а Лариса рассматривала орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». Две награды за четыре года войны, и за все кровью заплачено – как своей, так и чужой. А мама как раз и показывала Ларисе фотографии из далекого Афгана. Демьян невольно зарделся: приятно казаться в глазах любимой девушки не уголовником, а ветераном войны.

Мебель в горнице отнюдь не старинная, сервант из семидесятых годов, диван и кресло – из восьмидесятых, но стол здесь самодельный, на манер тех, что ставились в избах до революции. И скамья такая же широкая, длинная и массивная. Отец во главе стола, старший сын справа, младший – слева. Так и располагалась семья десять лет назад, пока Де-

мьяна не забрали. Он вернулся, но нет Ивана и Ольги, и когда будут, неизвестно. Да и отец какой-то поникший, нет в нем больше той грозной силы, которая заставляла сжиматься сыновьи сердца. И скажи ему сейчас Демьян, что надо бы подвинуться, он послушается и уступит свое место ему. Но не станет он этого делать.

Для мужчин мама выставила самогон, для женщин – клюквенную настойку. Лариса вчера в поезде порядком выпила, как она сказала, для того, чтобы дорога не казалась долгой. На самом же деле она пристрастилась к спиртному, чтобы хоть как-то скрасить свою рабскую долю. Но сейчас она сделала из своей рюмки маленький глоток. Демьян выпил за их приезд до дна, а она лишь пригубила. Под пироги самодельная водочка шла легко. Демьян мечтал о таком столе, но тогда, в зоне, он даже не думал, что за ним в этот знаменательный день будет сидеть и любимая женщина... Да, он уже не сомневался в том, что любит Ларису. И душа пела от мысли, что эта красавица стала его женой. А сейчас он еще вместе с ней отправится в баньку.

Но мама вдруг заупрямилась.

– Куда? – спросила она, когда он и Лариса поднялись из-за стола. – Вы еще не расписаны!

Оказывается, она уже знала про этот нюанс. Интересно, что ей еще наплела Лариса.

– Паспорт будет, распишемся. А пока мы гражданские муж и жена. Да, Лариса?

– Ну, я не знаю, – пожалала она плечами. – Как скажет мама, так и будет.

Варвара Сергеевна аж прослезилась от таких слов. Сентиментальной она стала на старости лет.

– Да как знаете! – махнула она рукой.

– Да я-то знаю. А Лариса без меня заблудится. И еще ошпарится.

– Я ошпариться не хочу, – сказала девушка.

И с овечьим смирением пошла вслед за Демьяном. Чистое белье у нее было: Демьян еще в Рязани купил для нее все, что нужно для жизни, – платье, халат, джинсы, футболки, купальник, белье, кое-что из косметики. Это влетело в копеечку, потому и переживал он, что в огороде пусто. Так можно было бы картошку продать, чтобы хоть какие-то деньги на зиму выручить. Ничего, он обязательно что-нибудь придумает, чтобы на жизнь хватало.

Предбанник большой, там и столик стоит, и скамейки не захламлины. Только трапезную здесь Демьян устраивать не собирался, во всяком случае сейчас. Лариса же была другого мнения. Он достала из своего пакета бутылку с настойкой, протянула ему:

– Будешь?

– Да нет, я сладкое не люблю.

– А я люблю!

Вот тебе и овечка. Из одной бутылки рюмочку только и осилила, а другую с собой прихватила. Да еще к горлышку

приложились, да так плотно, что у Демьяна брови до предела поднялись. Он забрал у девушки бутылку, но было уже поздно: на дне плескались жалкие остатки.

– М-да! – только и смог он сказать.

– Извини, но душа попросила... Привычка, знаешь ли.

Она икнула и снова полезла в пакет, на этот раз извлекла оттуда пачку дамских сигарет.

– Дурная привычка.

– Кто бы спорил, дорогой! – Лариса смотрела на Демьяна хмелеющим взглядом.

– Если ты попала в деревню, это не значит, что надо спиваться...

– Не собираюсь я спиваться.

– Надо завязывать.

– Думаешь, я не смогу? Запросто!..

– Так в чем же дело?

– Говорю же, дурная привычка. Ты хоть и несчастливый мужик, но я так просто с тобой не смогу. Я же девочка, ты сам должен это понимать...

Она и сама знала, что ее слова могут показаться несусветной глупостью, но при этом смотрела на Демьяна со всей серьезностью. Ну да, она действительно девочка. Для него. И он тоже должен отнестись к этому заявлению очень серьезно. Тогда они смогут начать новую жизнь без оглядки на старую...

– Ты моя девочка, – сказал Демьян со всей нежностью, на

которую был способен.

– Ну, пока еще не твоя. Но мечты сбываются, – жеманно улыбнулась Лариса.

И ловко сняла с себя спортивные штаны. На ней осталась одна только футболка, но Демьян не стал ждать, когда она сама избавится от нее. Как-то это слишком просто все. Сейчас Лариса разделется перед ним, они вместе закроются в парилке, где она чувствует себя вполне комфортно. Сначала в ход пойдет веничек, затем... Банально это и примитивно.

За Катей Демьян ухаживал два года, цветы ей дарил ночами, под ее окнами стоял, из дома девушку выкрадывал. Все было, кроме секса. А с Ларисой раз-два, и в дамки. Так нечестно по отношению к ней. Должна же быть хоть какая-то прелюдия.

Он взял девушку за руку, посадил к себе на колени, попытался поймать рот своими губами, но с первого раза ничего не получилось. Прощлое претило ей целоваться с мужчиной, но Демьян все-таки убедил ее в обратном.

Целовались они долго, пока она не прочувствовала себя не проституткой, а любимой женщиной. Пока она не поняла, что клюквенная настойка была лишней. Ларисе вовсе не нужно было напиваться, чтобы распалиться до страстного жара...

Демьян снял с девушки футболку, лифчик, разделся сам, побросал всю одежду на стол, уложил на него Ларису. Она уже созрела: щеки розовые, глаза закрыты, голова повернута

в сторону, на губах улыбка в предвкушении блаженства. Тело у нее нежное, упругое, невероятно приятное на ощупь, и Демьян, испытывая восторг, слился с Ларисой в едином любовном порыве. И вся прелесть ситуации в том, что продолжение следует. Надо только немного передохнуть, набраться сил...

– Ты такой... – в изнеможении прошептала девушка.

– Какой?

– Здорово было. Ты такой большой, сильный... Только учти, я не приняла таблетку...

– Какую таблетку? – насторожился Демьян.

– Ну, не колеса же... Нас там гормональными пичкали... чтобы не залетали. А сейчас без таблетки, могу залететь.

– И что?

– Ну... Алик не хотел ребенка. Мы с ним тоже предохранялись...

– Не было у тебя никакого Алика. И после него ничего не было. Пока я не появился, не было. Ты с Аликом не жила и после него не жила. Ты со мной жить начинаешь. Потому что жизнь – это там, где рождаются дети. И чем больше детей, тем эта жизнь ярче... Я хочу детей. И ты будешь рожать.

– Но я не хочу, – уныло проговорила Лариса.

– Почему?

– Боюсь. Здесь все так непривычно. И так все по-настоящему, что мурашки по коже...

– Ничего, привыкнешь. И жить будешь по-настоящему...

– Да? Тогда почему мы не в парилке? Сегодня твоя очередь хлестать веником!

Демьян завел Ларису в парилку, набрал в тазик горячей воды, сунул туда веник. В глубокой чашке он смешал холодную и горячую воду, ковшом облил девушку, взял мыло, мочалку... Он сам намыливал ее, массируя упругое тело, а она млела от его прикосновений. И водой он ее ополоснул, и на полок уложил. И веником отхлестал – не сильно, но от души. И Лариса не боялась, что Демьян ударит ее слишком больно, как это было в московской сауне. Значит, она доверяет ему в полной мере. И он будет последним подонком, если вдруг когда-нибудь обидит ее...

– Мы с твоей мамой разговаривали, – сказала девушка, когда веник вернулся в тазик с горячей водой.

– Я это уже понял.

Лариса лежала в той же позе, как это было в столичной парилке, но сейчас она смотрела на него, а не в стену.

– Я сказала, что мы на вокзале познакомились. Сказала, что в Москву приехала, а у меня украли все вещи. Сказала, что в институт приехала поступать, но увидела тебя и влюбилась без памяти. Так влюбилась, что с тобой поехала... Ты не думай, это не вранье.

– Хочешь сказать, что правда в меня без памяти влюбилась?

– Нет... То есть ты мне, конечно, нравишься, – спохватилась Лариса. – Очень нравишься... А может, это любовь.

Очень даже может быть... Но дело не в том. Просто я должна была что-то сказать твоей маме. Не говорить же, что ты вытащил меня из притона.

– Нет, об этом никто никогда не узнает. Потому что не было ничего подобного.

– Согласна, не было. А вещей у меня действительно нет, и паспорта. Но паспорт новый можно получить... А ты правда на мне женишься?

– Если ты хочешь.

– Хочу, – почти без сомнений сказала девушка.

– Тогда мы поженимся.

– Я хочу за тебя замуж, – с еще большей уверенностью повторила Лариса.

– Значит, будет свадьба.

– И все? Больше ты ничего не хочешь мне сказать?

– Ну, все будет хорошо...

– Не будь мужланом, Дёма! Скажи, что ты безмерно счастлив от того, что я стану твоей женой.

– Я безмерно счастлив.

– Ой, как неожиданно!

– Смеешься? – беззлобно спросил он.

– Да нет, просто хочу слышать от тебя ласковые слова. А то вдруг окажется, что ты их все на свою Катю потратил, – с сарказмом проговорила Лариса.

– При чем здесь Катя? – напрягся Демьян. – Кто тебе про нее сказал?

– Ты говорил. У Юры своего про нее спрашивал. А я у твоей мамы спросила. Она сказала, что ты любил эту Катю, а Юра этот на ней женился.

– Я о ней давно уже забыл.

– Ой ли!

– А ты в глаза мне посмотри!

Он точно знал, что глаза скажут правду, ведь он действительно не питал к своей бывшей пассии никаких чувств. И Лариса, кажется, в это поверила.

– Ты не думай, я не ревную. Я знаю, что гораздо красивей... И мама твоя сказала. Видела она эту Катю, она стала такой же толстой, как и ее муж. Также раскабанела. Ты любишь толстых?

– Я люблю таких, как ты, – улыбнулся Демьян.

Ему все равно, какой стала Катя. Но не все равно, что Юра смотрит налево. И если этот гад вдруг сунется к Ларисе, он его прибьет. Подкараулит где-нибудь на узкой дорожке и отделает по-тихому. Ради Ларисы он в этой жизни готов на все. Может, он и скупится на красивые слова, но никакой страх перед законом не помешает ему доказать свои к ней чувства на деле. Так что пусть Комаров обходит ее стороной...

Глава 7

Ветер ночью поднялся, растрепал облака на небе, как волосы на голове у женщины. Сероватые облака, а на горизонте маячит темная туча, подсвеченная восходящим солнцем в бордовый цвет. Но небо эта громада не закроет, потому что ветер дует в ее сторону. Прохладный для августа ветерок, освежающий, но это лучше, чем иссушающая жара, особенно если он вдруг переменится и принесет дождь. Лишь бы урагана не было...

Сейчас бы на рыбалку. Лодку просмолить, снасти в нее загрузить да на весла. Рыбные места Демьян знает, без улова точно не останется. Хорошо бы сомиков натаскать или хотя бы плотвички. Ну, и еще бы ершей на уху... Но этим он займется позже. Сейчас нужно вопрос со скотиной решить. Дом у них на окраине села, за ним когда-то поля колосились, а сейчас на этой земле только трава растет. Мать корову туда на выпас отправляла, сейчас Демьян выпасом занимается. Трава там хорошая, и еще полно земли, с которой можно сена накосить. В деревне без запасов на зиму никак не обойтись. Но ведь это чьи-то земли, у хозяев могут возникнуть претензии, если он без спроса будет на них косить. Надо у матери узнать, где, что и почем. А еще лучше к председателю сельской артели сходить, он весь расклад выдаст...

Демьян привязал корову к колышку, повернул обратно.

Он уже собирался открыть калитку, когда со стороны деревни показалась тетя Глаша. Хотя и постарела она, но походка, как и прежде, стремительная, энергичная. Она шла быстро, но при этом ее бросало из стороны в сторону, как грузовик на разбитой дороге. Может, разбалансировка в мозжечке какая-то произошла, может, женщина с утра выпила. А возможно, все дело в улочке, по которой она шла – мало того, что кривая, так еще вся в рытвинах и колдобинах.

Спешила тетя Глаша. И взгляд у нее, как проблесковые маяки на крыше милицейской машины, тем же огнем полыхает, осталось только сиреной взвять для полноты картины. Уж не ее ли землю вытаптывает сейчас Зорька? Тогда скандала не избежать.

Демьян не скрылся за калиткой, но и навстречу женщине выходить не стал.

– Иван, батька где? – строго спросила она, энергично постукивая ивовым прутом по голенищу своего сапога.

От быстрой ходьбы косынка у нее сбилась набок, а седая челка свалилась на глаза – то рукой поправит ее тетя Глаша, то через верхнюю губу дунет.

– Дёма я, а не Иван.

– Дёмка?! Из тюрьмы, что ли, вышел? – близоруко сощурив глаза, беспардонно спросила пожилая женщина.

– Из армии вернулся, – поморщился Демьян.

– Ну как же из армии! Я же все знаю!..

Тетя Глаша оглянулась по сторонам в поисках зевак, что-

бы поднять Демьяна на смех.

– Что нужно? – жестко спросил он. И сурово глянул на гостью.

Женщина примолкла, ощутив на себе тяжесть его взгляда.

– Отец мне твой нужен.

– Спит он. Я за него.

– Что, пить за него будешь?

– А нормально сказать нельзя?

– Мне забор поставить надо. Отец твой взялся, а забора нет!

– За литру взялся?

– За три! По литре на морду пьяную!

– Кто с ним был?

– Кто, кто, известно кто! Кузьмич да Васька!

– Да, тетя Глаша, угораздило тебя с такой шарагой связаться.

– А другой нет!

– Ну, за бутылку, может, и нет. Нормальные люди за бутылку не работают... Ладно, пошли, глянем, что там делать надо.

Тетя Глаша жила через три дома с подречной стороны улицы. Старый забор наполовину сгнил, покосился; отец со своей горе-бригадой его уже снял, а новый не поставил. Доски свежие в штабелях лежат, их уже сейчас можно на старые поперечины набить. Столбы, что в земле остались, подправить нетрудно, камнями или старыми досками укрепить,

и вперед. Метров тридцать пройти надо, если сикось-накось все делать, то к обеду можно успеть.

– Столбы выкапывать надо, – сказал Демьян. – Новые ставить и бетоном заливать, тогда вечно стоять будут. Доска хорошая, но ее подгонять надо – подпиливать, подравнивать.

– Ну, подпиливайте, кто ж вам не дает?

– Это работа серьезная, не тяп-ляп. Но за три литры вы только на такую можете рассчитывать. Если вы хотите, чтобы вам кое-как забор поставили, то я сейчас за Васькой пойду...

– Не нужно мне кое-как! Если твой отец взялся, пусть делает!

– И отца подпрягу. Сейчас мы вам тут быстро наколотим...

Демьян оставил тетю Глашу в раздумье, а сам отправился домой.

Отец уже проснулся и теперь ругался с матерью. Выпить ему подавай. Мама на ногах еле держится, а он перегаром на нее дышит.

– А вот это ты зря, батя!

Демьян крепко взял отца за плечи, рывком развернул к себе и окинул тяжелым взглядом.

– На мать орать нельзя. И бухать на халяву тоже нельзя. Сначала дело, потом бухать, ты меня понял?

Какое-то время отец недоуменно хлопал глазами, затем спросил:

– Какое дело, сынок?

– К тете Глаше сейчас пойдём. Забор будем ставить.

– Забор?

– А ты не знаешь, какой забор?

– Знаю. Знаю, сынок, знаю.

– Три литры взял, отработать надо.

– Какие три литры? Одну литру взяли, две опосля, сказала, отдаст. Мы на литру все сделали...

– Договор дороже денег. Кто меня этому учил?.. Давай, батя, обратно человеком становись. Чтобы я у тебя учился. Чтобы мне стыдно за тебя не было...

Отец долго чесал затылок.

– А тебе за меня стыдно?

– А как ты сам думаешь?

– А если забор поставим, выпить можно будет?.. Я немного, так, для успокоения души.

– К Ваське давай пошли!

Демьян готов был схватить отца за шкуру, но, к счастью, делать этого не пришлось.

Васька Ломов жил в старом бревенчатом доме. Сруб стоял на голой земле, врос в нее, покосился, поросшая мхом крыша просела. Отца у него не было, мать уже три года как преставилась, жена в прошлом году с детьми ушла, потому что не могла больше бесконечные пьянки терпеть. Такая вот невеселая история...

Дверь в дом открыта нараспашку, а чего бояться? Васька пропил все, даже кровати в доме не было, потому и спал он

на голом полу на какой-то дерюге. Мочой в доме воняло и дерьмом, похоже, этот придурок справлял нужду в соседней комнатке.

В эту комнату Демьян входить не стал. Он схватил Ваську за ноги, волоком вытащил на улицу и головой засунул в бочку с водой. Ломов с перепугу решил, что настал его смертный час, а ничто так не отрезвляет человека, как страх перед смертью.

Демьян швырнул Ваську на землю, и тот немедленно вскочил на ноги, чтобы с кулаками броситься на обидчика. Но Демьян стоял перед ним, как та гранитная глыба, которую с места не сдвинешь. И еще Васька помнил, сколько в Уварове силы, потому вмиг присмирел. А ведь не слабак он. Ростом чуть пониже Демьяна, в плечах слегка поуже, но кулаки у него такие же крепкие. Во всяком случае, раньше он задавал тон на танцах, если что не так, сразу лез в драку. Сам Демьян когда-то побаивался его. Но все это в прошлом. Сломался Вася, водка превратила его в жалкое ничтожество.

– Дёма, я не понял, ты что творишь? – в сильном душевном расстройстве взвыл Ломов.

– Хватит бухать, Вася. Работать надо. Забор пойдем ставить.

– Да к черту этот забор!

– Ты не черта подвел, Вася. Ты отца моего подвел. Тетя Глаша с бати приходила спрашивать, а не с тебя. Я понимаю, твоя хата с краю, но это будет потом, когда дело сделаем.

Когда забор поставим.

– Да пошли вы все!

Демьян ударил Ломова по скуле раскрытой ладонью. Он знал, как бить, чтобы и челюсть человеку не сломать, и с ног свалить.

Васька снова вскочил с земли, сжал кулаки, но на Демьяна не бросился. Страшно ему стало.

– Ну что, работать идем?

– Да не хочу я, – буркнул Ломов.

– А в лоб?

– А чего сразу в лоб?

– А как с тобой еще разговаривать, алкаш ты конченный?

Бухаешь, как последняя падла! Мать со свету сжил, жена от тебя ушла. Скажи, ты человек, Вася, или животное? Может, тебя на привязь посадить да колокольчик на шею? А может, в плуг запрячь, землю пахать будешь, хоть какая-то польза... Ну, чего молчишь, вошь ты блохастая?

– Хорошо, пошли забор делать. Только выпить сначала дай.

– На!

Демьян крепко сжал кулак и сунул его Ваське под нос.

– Это тебе занюхать! А выпить я тебе потом налью. Как дело сделаем...

– Ты нальешь?

– Да, я. А ты что, еще не понял? Я за твое воспитание, Вася, взялся. Ты хоть и ведешь себя как черт лагерный, но

ты мой зема, Вася. И я хочу человека из тебя сделать... Ну, чего стоишь? Пошли!

К Кузьмичу Демьян заходить не стал. Это бесполезно. Если отца и Ваську еще можно было вернуть к жизни, то для этого только одно лекарство от пьянства – могила.

Тетю Глашу он нашел на том же самом месте, где оставил, когда шел собирать бригаду. Она стояла, подперев пальцем щеку, и в глубоком раздумье смотрела на новый забор, существующий пока лишь в ее фантазиях. И так увлеклась она этим мысленным созерцанием, что не заметила, как подошел Демьян.

– Ну что, кое-как будем ставить или на века?

– А на века – это сколько литров? – опасаясь разорения, со страхом спросила пожилая женщина.

– Да мы непьющие, тетя Глаша. Нам твои литры не нужны. Мы люди негордые, деньгами возьмем.

– Так откуда ж деньги! – пожилая женщина всплеснула руками. – Я ж пенсию с весны не получаю.

– Тогда натурой. Курка, млеко, яйца... Можно и за три литра, но сикось-накось...

– Ну, нет, лучше уж яйками. Сало есть, мясо, кабанчика недавно забили...

Тетя Глаша жила одна, но работала за троих. Хозяйство у нее не маленькое, большой огород под завязку засажен – в общем, было чем расплатиться за работу. Демьян взял хорошую цену, но грабителем он себя не чувствовал. Он готов

был работать от рассвета до заката, но не задарма. Его семья должна жить лучше всех в деревне, чтобы Лариса могла завидовать только самой себе. И он обязательно добьется этого...

Только вот у отца и у Васьки совсем другие цели. Им бы выпить да закусить, а там и трава не расти. Но Демьян не зря был бугром в зоне, он знал, как воспитывать нерадивых. Ваську он ударил два раза, прежде чем тот втянулся в работу, отца же пальцем не тронул. Но расправа над Ломовым подействовала и на батю. Забыл он на какое-то время о выпивке, голову включил, вспомнил, где бревна толстые под опорные столбы взять, и человека нашел, у которого можно было цементом и песком разжиться. И с инструментом вопрос решили.

Мама и Лариса приготовили обед, накормили Демьяна, отца и Ваську, но водки на столе не было. Ломов было заикнулся, но нарвался на грубость.

А после обеда работа закипела по-настоящему. Опоры устанавливали, до самой ночи с ними возились. А там уже и спать пора. Ужинать и на покой. Тут уже не до выпивки, до дому бы доползти...

Рано утром снова на работу. Отца пришлось тащить силком, Васька получил в зубы, но ничего, худо-бедно процесс налажился. Опорные балки устанавливали, штакетины подгоняли. И снова до самой темноты.

Работу закончили на следующий день. Досочки набили

ровно, одна к одной, и теперь тетя Глаша могла любоваться реальным забором, и, судя по ее реакции, он мало отличался от воображаемого.

– Ну, Дёма, ну, молодец! – от восторга хлопнула она в ладоши. И немного подумав, добавила: – Еще бы ворота подправить.

– Новые надо ставить... Если материал будет, картошкой можешь отдать, нам на весну много надо. Если досок нет, то деньгами возьмем, сами все купим и поставим...

– Нет у меня досок на ворота, но ничего, я что-нибудь придумаю. А картошку выкопать надо, у меня ее много, и на огороде, и в поле. Самой тяжело будет.

– Если что, всегда поможем. Много не возьмем, но и себя не обидим...

Тетя Глаша рассчиталась за работу сполна, и на ужин мама с Ларисой приготовили богатый стол. Сало, жареная курица, яйца, ну и, конечно, картофель с кислой капустой. Ваську отпарили в баньке, Демьян подстриг его, мама отдала ему старую, но еще приличную одежду. Хоть на человека стал похож.

Мама поставила на стол бутылку самогона, отец потянулся к ней.

– Может, не надо? – сурово спросил Демьян.

– Да, может, не надо? – совсем не уверенно, но все-таки подхватил Васька. – А то ведь в запой уйдем...

– А ты из него выходил? – покосился на Демьяна батя.

– Ну, два дня уже не пью... Дёма все правильно говорит, не надо пить, работать надо. Вон, раньше в ЛТП трудовая терапия была, но так там мужики на государство работали, а мы на себя. Вон Глафира сколько всего дала, месяц жить можно...

– Ну, не месяц, но лучше что-то, чем ничего, – улыбнулся Демьян. – Работы на деревне много, с деньгами у людей туго, ничего, натурой будем брать. И тебе, Вася, дом подправим. Забесплатно. Ты же наш человек?

– Ну да, ваш! – благодарно посмотрел на Демьяна Ломов.

– Еще людей возьмем, если мало будет, бригаду сколотим. Дело показало, что работать мы умеем, а шабашка на трудовые руки всегда найдется...

– Все верно ты, сынок, говоришь. Все верно. Надо за это выпить.

Отец потянулся к бутылке, но Демьян перехватил ее и отдал маме. Сказал, чтобы спрятала куда подальше, нечего мозолить глаза.

– Хватит пьянствовать, батя. Ты вот хозяйство свое прощелкал, живности почти никакой, в огороде бузина. Так ведь и по миру пойти недолго. А у меня, батя, жена молодая и красивая, если я нищим буду, зачем я ей такой нужен?.. Короче, батя, до весны шабашить будем. А с трактором уже сейчас решать вопрос надо. Землю в аренду возьмем, вспашем, а по весне картоху насадим. Картоха у нас знатная, мы ее много возьмем, деньги на ней сделаем, как люди жить будем...

– Ну, земля у нас есть, – в раздумье сказал отец. – Восемь гектаров...

– Их мы, конечно, освоим, но еще бы земли прихватить не мешало. И чтобы поближе...

– Это с председателем артели надо разговаривать, земли много гуляет. И с трактором через артель, есть у них техника, только не работает. Чинить надо, а запчастей нет. Эти трактора сами на запчасти идут. Вон Юрка Комаров три трактора за бесценок взял, если у него что-то ломается, он к Петрову, надо бы честному фермеру помочь, Леонид Васильевич. И помогает Леонид Васильевич, потому что честный фермер деньги платит. Там у двух тракторов на мехдворе даже двигатели сняли. А может, уже все разбазарили. А зачем в артели техника, если работать некому? Вон Комаров работать умеет, так у него ферма своя, он и людей нанимает, и платит им. Может, и немного платит, но живыми деньгами. А другие сами фермерствуют. В артели одна только алкашня осталась...

– Например? – Демьян укоризненно посмотрел на отца. Тот смутился:

– Ты прав, сынок, делом надо заниматься. Мы с Васькой больше ни-ни. Да, Вася?

– Так точно, Савелий Демьянович. Самим надо фермерством заняться, а то жизнь мимо проходит. Вон Комаров «Ниву» себе новую купил. Я тоже такую хочу. К Анютке своей на белом коне подъеду, домой обратно заберу... Может,

и дом новый поставлю. Какие наши годы, а, Демьян?

– «Ниву» позже купишь. Сейчас трактор нам нужен.

– Все будет, сынок, – кивнул отец. – Главное, целью задаться. Сам лично к Петрову пойду, у него должок передо мной, вот я за него и возьму трактор. Главное, чтобы мотор был, а остальное сами поставим. Я в технике соображаю, Васька вот по двигателям спец...

– Будет трактор, – подтвердил Ломов. – И с машиной вопрос решим. Я знаю, где «сто тридцать первый» «зилок» по дешевке взять. Заработать надо и взять. Машина, правда, убитая, но руки у нас из того места откуда следует растут...

– Да, если на трезвую голову, – хмыкнул Демьян.

– Не знаю, как там Савелий Демьянович, а я больше ни-ни! – Васька в подтверждение своих слов приложил руку к груди.

– И я ни капли в рот! – заверил сына отец.

Утром Демьян встал рано. Работы много, если поздно просыпаться, ничего не успеешь. Отца поднимать не стал, пусть спит, если хочет. Напахался батя за последние дни, умаялся с непривычки, нехай отдыхает.

Демьян заканчивал точить косу, когда появилась соседка. Александре Патрикеевне понравилось, как он со своей бригадой поставил забор у тети Глаши. Ей нужно было перестелить крышу, и она решила нанять Уварова.

Демьян осмотрел крышу, определился с материалом, составил план работ, договорился о цене. И обещал взяться за

дело прямо сейчас. Но вдруг выяснилось, что Васька в дрезину пьян. Да и батя еще не протрезвел после вчерашнего. Оказывается, пока Демьян спал, он выкрал у мамы бутылку и вылакал ее на пару с Ломовым. Пришлось отрезвлять обоих. Вода в колодце холодная, бодрила превосходно. К обеду работа началась...

Глава 8

Жирная земля, влажная после недавних дождей, на солнце блестит, как черная икра на бутерброде. Бульдозер древний, компрессия в двигателе слабая, из-за сломанного глушителя треск стоит такой, что хоть уши закрывай, но землю пашет он, как старый конь – борозды ровные, глубокие. Надел немаленький, но батя свое дело знает – работа движется, что называется, ударными темпами, еще три-четыре часа работы, и о пашне можно забыть до самой весны.

Труба выстрелила в воздух сгустком копоти, и над землей повисла тишина, только слышно, как вороны каркают. И трактор встал мертво.

– Здравствуйте, девочки! – в сердцах махнул рукой отец. Судя по всему, без возни под капотом не обойтись.

Ни копейки они не заплатили за этот трактор, но пришлось починить колхозный коровник, а работы там было много. Председатель артели думал, что Демьян со своей бригадой до зимы работать будет, но не прошло и трех недель, как все было сделано. И награду за это получили. Бульдозер хоть и старый, но почти что в рабочем состоянии. С зажиганием были проблемы, с топливной системой, с ходовой частью пришлось повозиться. Еще бы двигатель перебрать, поршни новые поставить, выхлопную трубу заменить, да и еще много чего, но впереди целая зима, будет еще время,

чтобы довести до ума этого монстра.

И еще «ЗИЛ» бортовой надо починить. Не обманул Вася, смог он раздобыть машину, но сумеет ли он вдохнуть жизнь в ее заклиненный мотор? Тут или волшебство нужно, или ловкость рук. Ну, и на запчасти пришлось потратиться. Вася сейчас в колхозном гараже под грузовиком лежит. Руки у него к гаечным ключам приспособлены, с этим все в порядке, но беда в том, что мужик сорваться может. Не пьет, не пьет, а потом как загрузится... Но запоев у него не бывает, потому что Демьян спуску ему не дает, а как в чувство своих алкашей приводить, он уже знает. Отец тоже срывается в штопор, но уже реже, чем в августе. А за весь сентябрь только два раза наклюкался, и то переживал очень.

Ничего, если кто-то из них еще раз сорвется, Демьян их обоих закодирует; они, в общем-то, и не против...

Причину поломки отец определил быстро – топливный насос рассыпался.

– И что делать? – спросил Демьян.

– Есть два варианта: или соляру напрямую в дроссель заливать, или новый насос доставать. На мехдворе такого нет, в гараже тоже. В райцентр надо ехать...

Увы, но с запчастями в деревне полный швах. Бесхозная техника уже вся разграблена, так что в райцентр надо ехать, но ведь и там не все просто. Вот в Рязани точно можно найти, но туда пока доберешься...

– Сегодня надо закончить, – покачал головой Демьян. –

Тогда и трактор на ремонт поставим.

– Что ж, милости просим! – отец показал сыну на капот бульдозера.

Но сначала он залил солярку в ведро, приготовил шланг, открыл карбюратор так, чтобы горючее можно было подавать на дроссельную заслонку. Демьяну приходилось ездить на броне боевой машины, но чтобы верхом на капоте трактора, да еще с ведром в одной руке и шлангом в другой...

Не зря говорят, что голь на выдумку хитра. Нет возможности работать нормально, но ведь есть слово «надо». Вот и пришлось изворачиваться, чтобы трактор продолжал пахать землю. Бульдозер качало, трясло, но Демьян держался и скармливал ему горючку дозированными порциями. И ведь справился с задачей. Руки одеревенели, задница и ноги онемели, но все-таки подняли они с отцом землю на последней полосе поля в самой близости у дороги.

А на этой дороге стояла белая «Нива», и возле нее с самодовольным видом маячил Комаров. Он смотрел на Демьяна с издевательским восторгом, а когда их взгляды встретились, глумясь, аплодировал ему.

Работа закончена, трактор уже застыл на месте, можно спокойно слезть и набить Комарову морду. Да и передохнуть заодно, ведь еще домой надо ехать. Дорога короткая, не больше километра, но ведь ему снова придется сидеть на капоте без седла.

– Я не понял, что здесь смешного?

Руки у Демьяна грязные, и он с удовольствием отряхнул их одна о другую перед самым носом у Комарова. Юра испуганно вздрогнул и отступил на шаг.

– А я разве смеюсь? Всегда приятно посмотреть на человека, который хочет и умеет работать.

Комаров утихомирился, смотрел на Уварова заискивающе, а желание дать ему в морду не исчезло у Демьяна. Но он сдерживал себя. Это не Васька, который воспринимает оплеухи от него, как благо для себя. Юра прямым ходом отправится в опорный пункт милиции, накатает заявление. Участковый свой парень, он и с паспортом для Ларисы помог, запросы для паспортного стола сделал, ответы получил, скоро она корочки свои получит. Но Комаров – первый фермер на деревне, он опорный пункт милиции за свой счет отремонтировал. Там всего две комнатки, работы немного, но участковый у него в долгу – он и заявление примет, и Демьяна в район отправит. У него судимость, с ним там церемониться не станут.

– Посмотрел?

– Посмотрел.

– Ну и проваливай.

– А чего ты такой злой? Может, я тебе помочь хочу.

– Ну, так помоги! – вмешался в разговор отец.

– Здорово, Демьяныч! – поприветствовал его Комаров.

– И тебе, Юра, не болеть... У тебя топливный насос на это чудо-юдо есть?

– На это нет, на другой – найдется. Он сюда подойдет, только там мембрана навернулась, менять ее надо...

– Ничего, новую вырежем. А то у меня тут совсем все рассыпалось...

– Хорошо, я завезу. Вечером заеду. С вас – застолье. Не зажмешь? – весело подмигнул Демьяну Юра.

Но бравада его казалась фальшивой. Побоялся он Демьяна, но лез к нему. И если он от него чего-то хотел, то не дружбы. А если дружбы, то не с ним...

– С Катькой приедешь? – угрюмо спросил Демьян.

– А зачем она тебе? – внимательно посмотрел на бывшего одноклассника Комаров.

– Ну, может, она тоже хочет посмотреть на Ларису.

– Почему тоже?

– Подвози насос, мы тебя ждем...

Демьян повернулся к Юре спиной и направился к трактору, без всякого стеснения сунул шланг в бак и приложился к нему губами. Наполнил ведро, снова залез на капот.

Дорога к дому недолгая, но неровная, ухабистая, и тем приятней было пройти весь путь до самых ворот.

Лариса вышла ему навстречу. Теплый халат на ней, пуховый платок на плечах, колготки с начесом, резиновые с искусственным мехом калоши – в общем, самое то, что нужно для деревни. Волосы заплетены в косу, минимум косметики на лице – и здесь все как должно быть.

– Какой ты чумазый! – улыбнулась она, подставляя для

поцелуя щеку.

– Я сегодня насосом работал, соляру перекачивал.

– Ну да, запашок еще тот... Я там баньку натопила, только воды натаскать надо. И в дом, и в баню.

– Стол надо накрыть. Гости сегодня будут. Думаю, Комаров замену мне хочет привезти.

– Комаров? Тебе замену?

– Говорю же, я насосом работал, но я так больше не хочу.

Он железный насос привезет...

– Для колодца?

– Нет, для трактора...

На самом же деле Демьян думал о другой замене. Что, если Комаров хочет занять его место рядом с Ларисой? Что ж, пусть попытается. Одно неосторожное движение с его стороны, и в холодной реке окажется. Так уж и быть, морду ему он бить не станет, но водные процедуры устроит. Для его же здоровья. За это же не сажают.

А про насос для колодца Лариса спросила неспроста. Демьян хорошо потратился на обустройство быта – перегородку в сенях поставил, дверь врезал, за ней унитаз установил, колодец во дворе вырыл, трубу туда канализационную вывел, глубоко ее уложил, чтобы она зимой не замерзла. И еще бочку столитровую на железные кронштейны установил, один вывод на сливной бачок сделал, а другой – на умывальник. Еще бы хорошо насос в колодец погрузить, чтобы он через шланг воду в эту бочку закачивал. Но не хватило ему денег

на насос и подводку, поэтому приходится по старинке воду поднимать. Натаскает с утра воды, наполнит бочку, и женщинам на весь день хватает. А вечером снова за ведра, но для него это не в тягость.

Насосом когда-то закачивалась вода из речки – в баню и на полив огорода, но не уберег отец механизм, какие-то алкаши вместе со шлангами стащили. Может, тот же Кузьмич постарался. Этот тащит все, что плохо лежит. Кстати говоря, он трамблер для «ЗИЛа» где-то украл, и аккумулятор. Причем по собственной инициативе. Можно было бы и водяной насос ему заказать, но Демьян такой грех на душу не возьмет.

Он натаскал воды сначала в дом, а потом в баню, в ней и остался. Надо было помыться после трудового дня, и отец составил ему компанию. Но батя управился быстро, а Демьян задержался – и парком побаловаться хотелось, да и Лариса обещала заглянуть. А у них дело молодое, им каждый день охота. А банька далеко от дома, и никто не услышит, как они общаются на языке телесной любви.

Лариса не обманула его ожиданий, закрылась, разделась, с жадностью набросилась на него.

Все было здорово, и в процессе, и после. Не думал Демьян, что может быть сегодня еще более счастливым, чем сейчас, но Лариса вдруг сказала, что она беременна.

– Что?! – вне себя от радости воскликнул он.

– Ну, мне кажется... – от столь бурного проявления чувств девушка растерянно улыбнулась. – Сначала на соленое потя-

нуло, потом стошнило...

– Это самое то!

– В женскую консультацию надо ехать.

– Завтра тебя свожу.

– Тебе работать надо. Ты же не можешь без этого.

– Какая работа, когда тут такое!

– Я же не рожаю, мне просто консультация нужна...

– Я не отпущу тебя одну.

Автобус отъезжает утром в определенное время, но вдруг Лариса нарвется на Комарова. Тот с радостью подвезет ее до города. Если она согласится... А вдруг она согласится?..

– Боишься за меня?

– Не то слово. Уроды есть везде, что здесь, что в Москве. Ты помнишь, что с тобой было в Москве?

– Мы же договорились не вспоминать... Но ты прав... Этот Юра Комаров смотрел на меня так, как будто в рабство хотел к себе взять...

– Когда он на тебя смотрел? – насторожился Демьян.

– Недавно... Вчера... Я в магазин ходила, а он подъехал. Давай, говорит, домой подвезу, а там люди, смотрят. Ну, я ему сказала, что о нем думаю... У тебя жена, говорю, дома, а ты клеишься ко мне, как паршивый кобель. Так и сказала, чтобы все слышали. И домой пешком пошла...

– Мне почему не сказала?

– А вдруг ты морду ему набьешь? Я не хочу, чтобы тебя посадили.

– Пойми, это деревня, здесь сарафанное радио со скоростью звука все разносит. И если я до сих пор ничего не знаю, это потому, что слишком занят...

– Я все понимаю. Потому тебе и сказала.

– Это правильно.

Теперь Демьян понимал, почему Комаров напросился к нему в гости. Может, и опостылела ему Катька, но у них трое детей, и вряд ли он хочет развода с женой. И скандалы ему не нужны. Да и перед людьми неудобно. А так слух пойдет, что у него с Демьяном дружеские отношения, значит, и Ларису он собирался подвезти, как жену своего товарища, разумеется, без всякой задней мысли. Ну а то, что Лариса неправильно все поняла, так это накладочка вышла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.